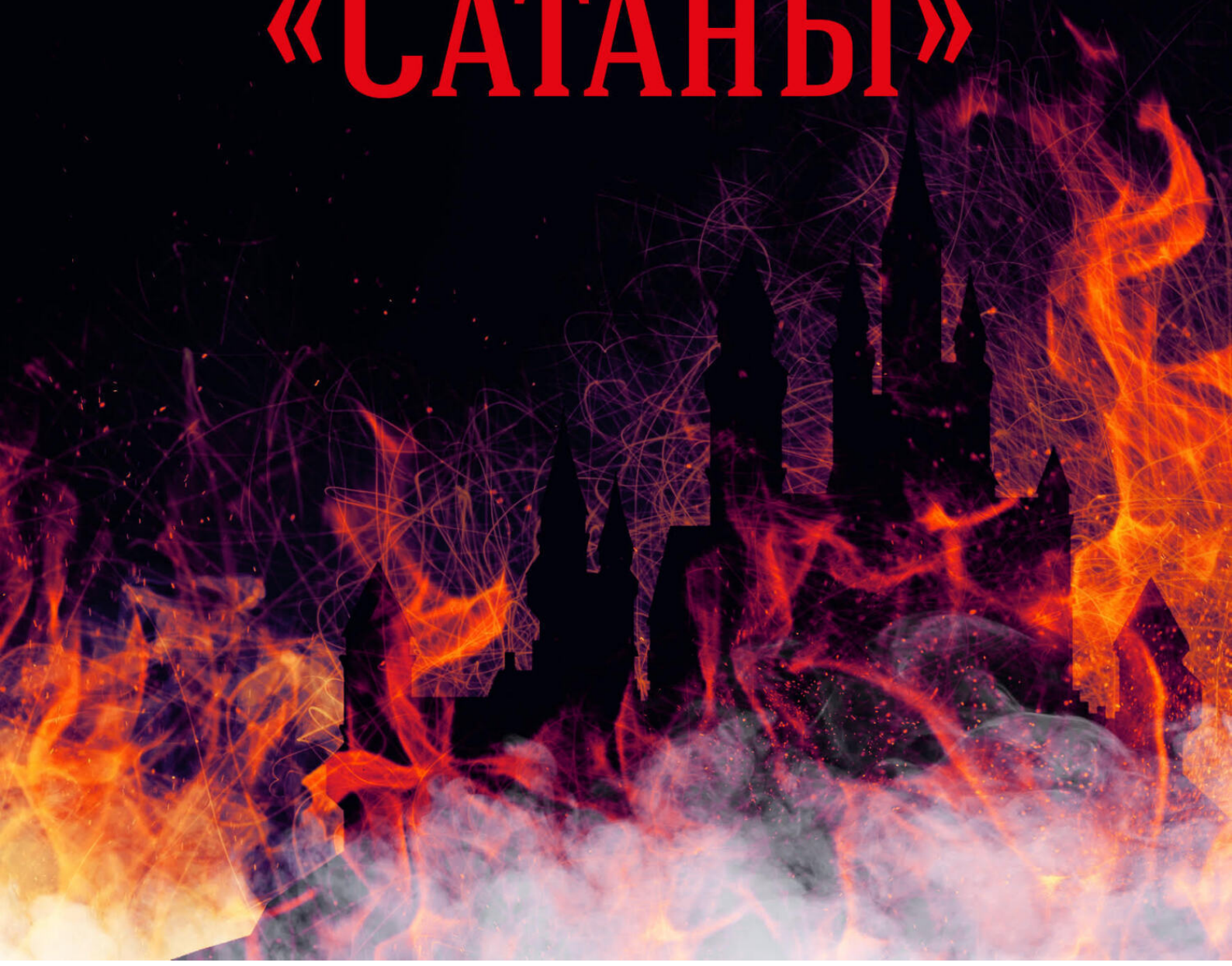

Николай Макеев

СКАЗАНИЕ
ОТ
«САТАНЫ»

Николай Макеев
Сказание от Сатаны

«Издание книг КОМ»

Макеев Н. Т.

Сказание от Сатаны / Н. Т. Макеев — «Издание книг ком»,

Эта книга – «Сказание от “Сатаны”» Николая Макеева является цифровой версией романа Николая Макеева «Евангелие от “Сатаны”», изданного в бумажном варианте в 2013 г. издательством «Маска», г. Москва.

© Макеев Н. Т.

© Издание книг ком

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	27
Глава четвертая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Николай Макеев

Сказание от Сатаны

*Воспоминания о былом – как зеркало за спиной.
Оглянись!
Всмотрись в него внимательно, и увидишь не только себя, но и то,
что у тебя впереди.*

Глава первая

Помолясь Господу, по Его благоволению, получив благословение, я, Пьер из Каркасона, начинаю сей рассказ в назидание потомкам. Мы ушли из этого мира. Идущие за нами также... Да и вам, живущим ныне, не много осталось времени, прежде чем предстанете пред светлые очи премудрого Владыки миров. Только диавол, как и агнец Божий, пребывает вечно, ведя борьбу за души человеческие. Слабые и нестойкие отходят к князю Тьмы. Сильные и мужественные – к светлому Сыну Господа нашего. Таких все меньше. А в последние времена мира земного и человеческого останется совсем мало. Остальные, с покаленной душой, слепые и глухие к Правде и Истине, но преисполненные горделивым самомнением, стоят на перепутье. А потом с радостью устремляются в царство Тьмы. Диавол хитер и коварен. Обольщает бесхитростных умом и простоватых сердцем. Приходит к ним, прикрываясь шкурой овечьей. И редко кто увидит под ней лютого зверя, по природе своей предназначенного губить мирных и послушных.

Александр отложил лист, отпечатанный на компьютере дяди Толи. Вернее, Анатолия Ивановича, родного брата его отца – Николая Ивановича. Отец умер давно. Саша был тогда еще малым ребенком. Поэтому острога горечи той утраты притуплена прошедшим временем. А дядя Толя умер совсем недавно. Оттого, наверное, сегодня у Александра слезы на глазах и на сердце.

Когда хороший человек уходит из мира, в котором остаемся мы, еще живущие в нем, то у всех знавших ушедшего появляется чувство растерянности и пустоты. Как будто часть самих себя потеряли. Малодушно начинаем искать эту часть, только теперь понимая, насколько важной она была. Озираемся вокруг, хотя прекрасно сознаем: здесь искать бесполезно. Тогда убегаем в собственную память – проверенный и надежный способ приглушить горечь утраты. Вот и Саша, грустно улыбнувшись, начал вспоминать.

В той большой семье, которая, как рой пчел, сопровождает практически каждого из нас, где не только папа с мамой и братья с сестрами, но и дедушки, бабушки, дяди и тети, родные и двоюродные, и еще масса родных по крови и родных по семейной и личной дружбе, дядя Толя выделялся своим одиноким величием. Сам поступил на исторический факультет университета. Сам, увлекшись литературой Средневековья, выучил несколько языков, ныне практически вымерших – не только латинский и греческий, старофранцузский, но и старолангедокский. Написал несколько монографий. Защитил кандидатскую, затем докторскую диссертацию. Профессор престижного гуманитарного вуза.

Он всегда был... как бы это сказать деликатнее, немного не от мира сего. Внешне обаятельный, даже веселый, он все равно оставлял у собеседника чувство, что лишь малая часть его сейчас здесь с ним ведет беседу. А другая, гораздо бóльшая, где-то там... Но где? Дядя Толя и сам, наверное, не мог бы объяснить.

Так вот, эта неравнозначная раздвоенность вызывала у всех, кто общался с дядей Толей, чувство ревности. Каждый из родных, в том числе и племянник Александр, неосознанно все же

пытался встряхнуть дядю Толю. Привлечь его внимание к собственной персоне. Перевести из его закрытого таинственного внутреннего мира в этот, где все мы сейчас. Иногда такое удавалось. И тогда с удовольствием слушали его рассказы об удивительных историях давно минувших дней, в среде других народов Европы. От души смеялись его незлому, тонкому юмору, с радостью подхватывали песни, которые он начинал своим красивым баритоном.

Но чем старше становился Анатолий Иванович, тем реже он радовал своим присутствием родных и друзей. Все чаще и дольше пребывал в только одному ему известном внутреннем мире. Семью он так и не завел. Наверное потому, что такие люди любят только один раз, да и то не всегда человека. Дядя Толя был влюблен в литературу средневековой Европы. Она дарила ему тепло и радость общения.

При всей деликатности он был все же замкнутым человеком. Разве что с племянником своим, Сашей, общался достаточно часто и живо. Александр, инженер-физик, а теперь менеджер рекламной компании, все продолжал спорить с дядей Толей о пользе знаний давно прошедших лет.

– Я понимаю сегодняшних химиков, физиков, медиков, даже литераторов и поэтов... От них есть толк для современного человека. Они находят и приносят всем нам новые знания, которые делают эту жизнь комфортнее, надежнее, веселее. А то, что было когда-то, где-то, с кем-то, а потом забылось... Может, не надо ворошить прошлое? Пусть так и остается в вечном сне на кладбище памяти человеческой, – горячо отстаивал свою технократическую точку зрения Александр.

Дядя Толя, улыбнувшись, ответил тогда:

– Воспоминания о былом – как зеркало за спиной. Оглянись, всмотри в него внимательно, и увидишь не только себя, но и то, что у тебя впереди. Однако, чтобы увидеть, надо не просто смотреть, но и понимать. Вот этим я и занимаюсь. Перевожу то, что было когда-то, в то, что есть сейчас. Даю возможность человеку современному посмотреть на того, каким он был много веков в прошлом. Умный и чуткий увидит и поймет гораздо больше, чем обычный гражданин толпы.

Но дяди Толи уже нет. Спорить не с кем. Оттого, наверное, у Александра к чувству печали прибавилась досада – с кем теперь общаться о «высоком»? Друзья и приятели, девушки для одноразовой скороспелой и быстро засыхающей любви не годятся. Там, в их мире, все практично, прагматично и примитивно. Судьба мира и человека в нем сводится к развлечениям, курсу валюты и ожиданиям прибавки заработной платы. Или очередной «субсидии» от родителей.

Саша довольно рано, уже со старших классов школы, чувствовал, что и он, как его дядя, немного не от мира сего. Но научился умело скрывать это и изображать «своего в доску» парня, чтобы не выделяться и не вызывать подозрения у приятелей. В свое время дядя Толя помог устроить Сашу в солидную школу. В ней училось много детей из богатых семей, с влиятельными родителями. Вот они-то и стали приятелями. Потом не раз помогал материально, когда племянник стал студентом серьезного технического института. Хотя Александр почти всегда получал повышенную стипендию... Но разве же это те деньги, на которые сейчас можно прожить? Так и тянулись они: один – как к сыну, другой – как к отцу и старшему брату.

А теперь дяди Толи нет. Осталось завещание от него, оформленное со всей тщательностью. В нем все свое имущество, а главное, квартиру, небольшую, но уютную, в очень престижном районе города, он отписал своему «вечному оппоненту», племяннику – Александру Николаевичу. Другие родственники немного нахмурились – ведь квартиру можно было продать, а деньги поделить в только им ведомой пропорции. Правда, у каждого были свои цифры... Но ничего не поделаешь. Воля усопшего – закон!

И вот сейчас Александр сидит полновластным хозяином в квартире дяди Толи. Перебирает его вещи и вспоминает последний разговор в больничной палате. Анатолий Иванович

лежит исхудавший, потемневший, с желтоватым лицом и удивительно большими глазами. Он смотрит на Александра глубоким прощальным взглядом и тихо говорит:

– Саша, ты хорошо знаком с современными технологиями хранения и распространения информации. Интернет для тебя все равно что дом родной. Хочу попросить...

Дядя Толя на минуту замолчал, тяжело дыша. У него онкологическое заболевание. Последняя стадия. Уже неоперабельная. Врачи говорят: «В любой момент может оставить нас».

– Дядя Толя, да мы вместе с вами и опубликуем вашу очередную статью в интернете. Как тогда, полгода назад. – Саша попытался подбодрить. Даже улыбнулся. Но это у него плохо получилось. Не улыбка, а гримаса боли появилась на лице.

– Нет, Саша. На этот раз не о своей статье хочу попросить. В шкафу, там, где висят рубашки, на нижней полке стоит старый темно-коричневый портфель. В нем лежит, может быть, самое ценное, что есть у меня. И для меня... Вам-то, прагматикам-рационалистам, то, что в портфеле, всего лишь «пустые разговоры на бумаге и пергаменте». А для нас, историков и поэтов, – сама жизнь и смысл ее стержневой. Там среди прочего мой дневник, который писал для себя. Так что не взыщи за стиль и недомолвки. Сам ведь понимаешь – когда пишешь не на продажу и не для обмена информацией, многое опускаешь... Душа быстро вспомнит и дополнит...

Он опять замолчал, как будто о чем-то задумавшись. Молчал и Александр. Через минуту Анатолий Иванович продолжил:

– Я оставлю тебе на счете в Сбербанке немного денег. Их хватит, чтобы издать малым тиражом книгу, а потом разослать по почте тем, кому надо. Список там же, в портфеле. А через год опубликуй на своем сайте. Как полгода назад мою статью о катарах.

Саша растерянно спросил:

– То есть ваш личный дневник... На всеобщее обозрение?

– Нет, нет! Мой дневник – это только для твоих глаз. Я о другом. Там, в портфеле, найдешь перевод со старолангедокского другого «личного послания» из далекого прошлого южной Франции. Впрочем, тогда та область и не была Францией. Была вольным жизнерадостным краем – Лангедоком. Граф Тулузский и его вассалы были полновластными хозяевами тех благословенных мест между Испанией и Францией. Вот о нем, о переводе тех записей, оставленных много веков назад достойным человеком, я и прошу тебя. Хотел было сам довести это дело... Да, видно, не судьба. Трудность в том, что они переплетены – мой дневник и откровения того, далекого от нас по времени и пространству достойного человека – Пьера-альбигойца. Вернее, мой перевод этих его записей. Я не успеваю их разделить. Вот и прошу тебя сделать это. Да, там еще... Более древняя история времен возникновения христианства. Их тоже включи в ту книгу. Надеюсь, разберешься, где чье. Хотя это не просто. Но ты же умный.

Дядя Толя вздохнул и посмотрел в дальний угол палаты. Потом неожиданно лукаво улыбнулся. И почти шепотом сказал:

– В этой тумбочке кожаная папка. Возьми ее. Там окончание перевода Евангелия... – Он запнулся. Через секунду продолжил: – Хотя врачи и были недовольны, но я все же втайне от них довел работу до конца. Пусть это будет последняя глава той книги. Переложи бумаги в саквояж. А уже потом начинай разбирать, где чье. Особых проблем не должно быть. Почти все листы пронумерованы.

Дядя Толя грустно улыбнулся и отвел взгляд в сторону. Александр начал было привычно врать:

– Да врачи говорят, что у вас дела могут пойти на поправку... Вам еще долго жить...

Но Анатолий Иванович прервал:

– Саша, сынок. Не надо... Я все знаю, потому и прошу. Жить долго хорошо. Но лучше – правильно. Когда обучаешь душу свою еще чему-то полезному, для себя и для Бога. Тому,

что поможет ей благоденствовать в дальнейшем существовании. Ну, все... Иди. – И пожал на прощание руку.

Александр вновь посмотрел на лист, который держал в руках. Ясный, четкий шрифт принтера, которым был напечатан текст, совершенно не подходил к тому, что там написано. Если бы рукописный вариант, да еще гусиным пером – тогда другое дело. А тут... Компьютер, механизм и... о душе.

«Предназначенного губить мирных и послушных, – вновь прочитал он. – Много несправедливости, унижений и боли испытали мы в последние годы. Особенно тягостно то, что происходят они от тех, кто называет себя братьями нашими – христианами. Да только забыли они Христовы заповеди. Обуянные гордыней, жадой власти и сребролюбием, переродились в слуг дьявола. Называя нас еретиками, сами суть племя нечистое. Предводитель их – они называют его «Папой», – пребывающий в великом городе Рима, как когда-то жившие там до него властители, столь жесток, сколь и коварен. Под лицемерным призывом защитить веру христианскую от еретических взглядов собрал большое войско из заблудших душой, с неразвитым умом, а то и просто желающих поживиться чужим добром разбойников. Пришли они в наш благословенный край под водительством свирепого Симона де Монфора. Имя его проклято в веках чистыми верующими за кровь невинных людей, пролитую им и его приспешниками по наущению дьявола, обрядившегося в одежду первосвященника. Сей преступник законов Божьих и человеческих, словно хищная птица, налетел на нас. Острыми когтями разрывал кожу, пожирая внутренности. Но перед тем выклевал глаза наши. Мы же не могли ему противиться. Ибо заповеди Господа нашего Иисуса превыше всех страданий тела и самой жизни в этом злом мире. Мы, «Совершенные», не должны убивать и противиться злему. Подставляя другую щеку для удара, мы пытались усовестить человека. Не жалость его нам нужна, но стыд за содеянное. Увы... Этот мир создан злым богом».

Александр отложил лист в сторону. С досадой достал из кармана беззвучно вибрирующий мобильный телефон.

– Привет... Да вот, знакомлюсь с наследством от дяди Толи... Нет. Ну что ты... Он был бессребреником. Хотя и профессор. Но ты же знаешь, они теперь малооплачиваемые. Так что в основном бумаги разные. Исписанные... Нет. Меня не ждите. Какой ресторан?! У меня дядька родной умер... Я ему так обязан. Он мне вместо отца... Можно, конечно, и помянуть. Но давай как-нибудь в другой раз... Ну да. И квартиру тоже... Ничего. Пусть твой «аэродром» отдохнет от меня. Еще будут посадки... Пока. Бай...

Саша прервал разговор. Это звонила Валя. Его очередная подружка. Учились вместе в одном классе. Перебрасывались ничего не значащими фразами и взглядами. Ну, пару раз целовались, по пьяни... Так ведь, ничего серьезного не было. А теперь, видимо, возраст поднимает. Все старается в свои женихи записать. Да и ему уже под тридцать. Пора подумать о своей семье.

Валя устроила его на работу в одну из фирм своего папы. В рекламное агентство. Так что теперь целыми днями приходится обсуждать, как бы еще одурачить обывателя и заставить купить то, что ему не нужно, но за что заказчик рекламы перевел на счет их компании деньги.

Конечно, когда он пришел, получив диплом, в научный институт, было куда веселее. Но зарплата, вернее, ее более чем скромный размер, быстро опустила мечты и желания с неба на землю. Не сидеть же всю жизнь на шее у матери и отчима. Им еще двоих, уже совместных детей надо поднимать и ставить на крыло. Начал было готовиться к отъезду за границу, в Европу, да задумался: кому он там нужен? А тут Валя повстречалась. В кафе за столиком долго смеялись, вспоминая «Амебу» – учительницу биологии и их классного руководителя. Не злую, но странноватую старую деву. Потом поехали к Вале домой. Потом...

Да что уж вспоминать. Через неделю Александр Николаевич – новоявленный заместитель руководителя творческого отдела рекламного агентства ее папы. Мать одобрила такой

неожиданный поворот. Отчиму, как всегда, было все равно. Остальным родным тоже. Лишь дядя Толя кисло усмехнулся: «Утешает одно. Может быть, разовьешь литературный талант?»

И вот теперь, когда Саша успешно больше года продвигает то новую модель женских прокладок с крылышками, то безотказные тесты на беременность, то яичеварки, то кофемолки, Валя все чаще стала звать его в свою роскошную квартиру. Ее большая двуспальная кровать – он шуточно называл «аэродром», – все чаще становились местом для бесед... Наедине.

Отец Вали Виталий Эдуардович постоянно куда-то уезжал. У него, кроме рекламного агентства, еще несколько компаний. По бизнесу – очень успешный, по характеру – стремительный и бескомпромиссный, он тоже стал изредка обращать внимание на своего главного креативщика. Существенно увеличил зарплату. И, по-видимому, одобрил выбор своей единственной дочери. А ему самому семью заменяла работа.

Мать же ее, Анжелика Васильевна, давно, сразу после развода, уехала в Америку. Иногда звонит Вале. Пару раз говорила и Сашей. Но у нее теперь своя жизнь. И если старшая дочь выйдет наконец-то замуж, то будет меньше головной боли.

Казалось, все просто и ясно. Он хотя и бедный, но видный жених, надежный человек. Она – не очень красивая, зато богатая невеста. Правда, в последние месяцы деньги папы и умелые руки пластических хирургов и косметологов быстро преображают Валу. Саша не без удовольствия стал ловить завистливые взгляды друзей и одноклассников. Однако было что-то, он и сам не понимал что, которое препятствовало сделать такой простой и естественный шаг – предложить Вале если не сердце, то хотя бы руку и тело для совместной жизни.

Нет! Нет! Он не был мечтателем-идеалистом. Примерный воспитанник своего времени и окружения, Саша материальную составляющую жизни, как и остальные его друзья, родственники и приятели ценил, больше всего. Ему казалось, что это именно то, что дает свободу для ума и покой сердцу. Но чем больше укреплялось его финансовое благополучие – за прошедший год успел сменить своего еще не старого «авдеича» (автомобиль «Ауди») на новый престижный «бычок» (тоже немецкой сборки «БМВ»), – тем все явнее просыпалась тревога: туда ли он идет?

Став зятем Виталия Эдуардовича, Александр Николаевич как минимум возглавит рекламное агентство. Но продолжать дурачить обывателя ему уже не хотелось. Да и по характеру своему – Саша теперь отчетливо чувствовал это – он не подойдет на роль управленца. Поэтому с такой радостью отверг предложение Вали пойти в ресторан «оттянуться» с друзьями-одноклассниками по случаю приезда из Лондона одного из них. А на ее – «аэродром теперь пустой и холодный» Саша ответил обнадеживающе: «Еще будут посадки...»

Он не спеша продолжил листать большую папку, взятую из портфеля. В прозрачных файлах, скрепленных скоросшивателем, было иногда по одному, но чаще по несколько листов стандартного размера. Почти все тщательно пронумерованы. Дядя Толя любил порядок, тем более в работе. На листах в основном отпечатанный на принтере текст, но кое-где попадались исписанные рукой Анатолия Ивановича. Да и между отпечатанных строк он что-то часто дописывал. А тут еще начали мелькать то в одном, то в другом файле какие-то клочки бумаги с его заметками. Так что работы будет много.

«Ты же умный... – вспомнил последний разговор Александр и грустно улыбнулся: – Если бы было так, то уже давно катался как сыр в масле заместителем и первым помощником Виталия Эдуардовича. Или за границей, в Европе, успешно строил бы карьеру от старшего лаборанта к научному сотруднику». А он вот застрял на перепутье. И не знает, куда двинуться дальше.

«Так в чем же придется разбираться?» – вернулись его мысли к папке с пластиковыми файлами. Наугад вынул еще один лист. Внизу написан номер от руки – 246. А ведь это еще меньше половины, прикинул он объем пролистанных файлов. «Да! Работы будет много. – вновь

подумал Саша. – Ну и хорошо. Все веселее жить», – успокоил сам себя он. И начал читать, что же здесь, на этом листе, написано.

«Они в основном серая бестолковая масса. Животная жизнь для них – единственная форма существования», – говорили мне боги. Хотя попадаются иногда чудачки. Например тот, о котором ты спрашиваешь. Его я вынужден был распять, чтобы не обвинили в укрывании врагов цезаря. Он начал спорить со мной, когда я решил еще раз выслушать его наедине. Хотя, поддавшись беснующейся толпе, уже осудил его. Все убеждал меня, что Бог только один, и ему Он шепнул другое: «Найди слова, соверши поступки, которые вызовут в человеке добрые чувства, светлые мысли, очистят, хотя бы ненадолго, небо его души от тяжелых туч тоски и тумана обыденности. И вспомнит человек, что все вы – люди, дети Мои, Божьи».

– А это любопытно... – подумал Александр. – Это что? Слова того самого префекта Палестины, который велел распять Иисуса Христа?

Но тут вновь мелкая беззвучная дрожь мобильного отвлекла внимание. Опять звонит Валя. Хочет приехать к нему на эту квартиру.

– Валюша... Давай в другой раз... К тетке срочно надо, – соврал он.

Ему не хотелось пускать в эту маленькую тихую и уютную квартирку никого другого. Как будто появление еще одного человека разорвет молчаливый покой и тишину. Здесь он мог отдохнуть от суеты. И перелететь в тот таинственный мир, в котором столько лет жил дядя Толя. В его доме не было телевизора. Лишь старенькой, но дорогой музыкальный центр, хорошая акустическая система и огромное количество компакт-дисков. Но все – классическая музыка, релакс да этника.

– Так что же дальше...? – вернулся Александр к папке Анатолия Ивановича. Вынул из файла следующий, двести сорок седьмой лист.

Твой Бог немощен. Потому вовсе он и не Бог, а просто твоя выдумка. Боги от остальных отличается властью и силой. Сейчас я Бог для тебя. Только мне доверено провидением подарить тебе жизнь, чтобы ты и дальше мог удивлять это племя жестоковыйное и бунтарское своими врачеваниями, магией и фокусами. Но тогда ты должен обещать служить мне. Или приказать исполнить приговор, вынесенный не мной – твоими соплеменниками. Хотя не должно гражданину Рима, аристократу и всаднику, префекту самого императора, унижаться перед зловердными туземцами. Уступать им. Но ты сам слышал, как они обозлены тобой. Да еще лукаво добавляют о своей любви к цезарю.

Однако этот худой, ничем не примечательный человек не упал передо мной на колени. Не распростерся ниц, моля о пощаде. Он лишь грустно посмотрел и ответил: «Только Богу своему служи. И Ему поклоняйся».

«Вот и посмотрим, как он поможет тебе...» – усмехнувшись, ответил я. Потом, велел побить его плетью за неуважение к власти и возмущение порядка, приказал обрядить в багряницу, дать в руки трость и надеть на голову венец из терновника. Да сделать так, чтобы острые шипы проткнули его кожу и по лицу потекли капли крови. Много черни иудейской смотрело на это действо. Особенно позабавило их, когда воины-римляне становились перед ним на колени. Кланялись и кричали: «Радуйся, царь иудейский!» Потом, отобрав трость, били его по голове. Я думал: «Может, пожалеют его соплеменники?» Вывел его, избитого и униженного, перед толпой и сказал: «Я не нахожу никакой вины в нем». Но они лишь громче стали кричать вновь: «Распни! Распни его!» И это те самые, которые почитали за пророка и великого учителя, когда он спасал их от несчастий и болезней. Поистине – чернь живет одним днем. Беспамятная, трусливая, жестокая, лживая и неблагодарная! Я посмотрел на него и усмехнулся: «Вот они... Твои «дети Божьи». Но он молчал. Ничего не отвечал мне. То ли от стыда за них, то ли в задумчивости».

Мелодичный звонок у входной двери вновь отвлек Александра от текста: «Кого это...?» Он нехотя, вернув лист в стопку других, лежащих в этом файле, пошел открывать дверь.

– Мам! Но у тебя же есть ключ от квартиры. Зачем звонишь? – удивился Саша, увидев ее на пороге.

Еще не старая женщина, она, однако, была уже в том возрасте, когда большинство перестают бороться за ускользающую молодость и утешают себя тем, что теперь они в «элегантном возрасте». Его мать, Серафима Сергеевна, после смерти своего первого мужа, отца Саши, быстро нашла себе второго. Молчаливого и работающего человека – Петра Викторовича. Скоро у них появились свои дети, но мать продолжала ревностно опекать своего первенца – Сашу.

Она смущенно улыбнулась, зайдя в квартиру.

– Да мало ли... Может у тебя подруга какая? Вероника, или еще кто...

– Да нет... Ее забудь. Мы расстались навсегда. Она скоро замуж выходит за другого. А мне без нее даже лучше, – немного скривившись, как от капли уксуса, усмехнулся Александр.

– Пора бы и тебе подумать о своей семье. Ведь скоро тридцать... Неужто бобылем, как дядя Толя, хочешь остаться? У него, поди, и женщин в личной жизни не было. Все какие-то книжки да фантазии, – начала мать свою старую песню.

Она уже несколько лет точит сына за холостяцкую жизнь. Но то девушки его приезжие, приютились у родственников, жить молодой семье негде, а снимать квартиру – не с его институтской зарплатой, то вспыхнувшая было любовь, вернее, интерес, быстро гасла, и он без сожаления искал другую. А теперь, кажется, и денежный вопрос, и квартирный решены, и мать по-своему, по-женски, вновь взялась за старое:

– Мне уже пора внуков воспитывать. Ты старший, с тебя и спрос. Дядя Толя был приспособлен к одинокой жизни. Не то, что ты.

Она, как и все остальные родственники, упрямо называла Анатолия Ивановича дядей Толей, хотя он был ненамного старше ее. Но виделось в нем что-то аристократическое и возвышенное, что придавало в глазах окружающих дополнительные вес, рост и возраст. Так и повелось: «дядя Толя сказал... дядя Толя передал...»

– Мам. Ну вот возьму и на первой встречной женюсь. Сама ведь потом начнешь сердиться на меня. А виновата будешь ты. Все подзуживаешь, – недовольно буркнул Саша. Ему неприятен этот разговор. И чтобы прекратить его, он попытался перейти на новую тему: – Идем на кухню пить чай.

– Некогда. Я ведь и зашла – взять твоё постельное белье и рубашки, чтобы постирать. Завтра большую стирку наметила, – захлопотала мать, открывая шкаф и перебирая его одежду и простыни.

– Ма... Да я сам. У дяди Толи все есть. И стиральная машина тоже.

– Вот когда женишься, тогда и прекращу опекать. Ведь надо не только постирать, но и погладить.

– Так ведь и утюг есть... – слабо сопротивлялся Саша.

– Ты все равно не сможешь так, как надо, – категорично вынесла свой вердикт Серафима Сергеевна, складывая в пластиковый пакет отобранные рубашки и белье. – Надеюсь, мать-то познакомишь с будущей невесткой, до того как пойдете расписываться? – вновь улыбнулась, теперь уже с хитринкой, мать.

Она, конечно же, знала о новом романе сына. Валя из солидной состоятельной семьи. Вернее, дочь богатого и влиятельного бизнесмена. Единственная! А где ее мать и остальные родственники? Бог их знает. Да это и не важно.

– Ну конечно же, скажу. Но только по секрету. И лишь тебе, – улыбнулся Саша, закрывая за матерью входную дверь. Но тут же открыл ее вновь и вдогонку крикнул: – В следующий раз не звони! Открывай своим ключом. А если нельзя будет, так... я заблокирую замок.

– Хорошо. Хорошо, – ответила мать, нажимая на кнопку, вызывая лифт.

Александр вернулся в комнату. Посмотрел на часы. Через полчаса надо выезжать на работу. Сегодня выходной. Суббота. Но директор их рекламного агентства попросил его появиться в офисе в пять вечера. То ли планерка, то ли посиделки за чаем и другими напитками с разговорами о современных методах внушения доверчивому обывателю. Да еще, кажется, новый солидный клиент хочет с ним познакомиться.

Но любопытство взяло верх, и Саша решил посмотреть в оставшиеся минуты, что же еще лежит в этом большом, когда-то дорогом портфеле. Две другие папки с пластиковыми файлами. А в них также какие-то бумаги, что и в первой – самой толстой.

– Наверное, продолжение этой истории. И как не надоест?! Уже, кажется, жевано-пережевано... И копий в спорах сломано немерено. И людей погибло под знаменами с крестами или сожжено – если у тех крест немного иной – не сосчитать. А все говорят: «Гуманистическая идея... Торжество правды и доброты...» Вот у кого надо поучиться успешному продвижению своего «товара». У церковников, – усмехнулся Александр. – Анатолия Ивановича можно понять. Это его хобби, работа, призвание – выяснить, кто что сказал, а ему ответили где-то и когда-то тысячу лет, а то и две назад. Он говорил: «Я даю возможность каждому отыскать себя в сумрачной глубине веков». Но мне-то это зачем? Пыль веков вызывает только чих и насморк у современного молодого человека. – Александр вздохнул. – Однако если обещал, надо выполнять! – пристыдил он сам себя.

– А это что? – Большой пакет, как будто книга, завернутая в плотную бумагу. На дне портфеля еще что-то обернутое в красный шелковый лоскут. Какие-то коробки. Открыл одну. – Вау!.. Так это что? Древний манускрипт?!

В удлиненной коробке аккуратно уложен свиток из ветхого пергамента. Боковые края его кое-где обожжены, но в целом он был в неплохом состоянии. Отчетливо видны греческие буквы. Уж их-то, во всяком случае некоторые, Саша знал. Такие часто используют в качестве символов ученые и инженеры. Хотя его и распирало любопытство, но трогать манускрипт не стал.

– Еще рассыплется в руках... Или заразу какую подхвачу... – начал уговаривать сам себя он, закрывая коробку. Завернул ее в тот же самый красный лоскут. Возвратил на дно портфеля. – А тут еще одна коробочка... Но что в ней, посмотрю в следующий раз. Все равно древних языков не знаю.

Быстро вернул на место папки. Поставил закрытый портфель – скорее, пухлый саквояж – обратно в шкаф. Пора ехать в офис.

Глава вторая

– Да, я Сергей Владимирович, – Сергей улыбнулся, говоря это по мобильному телефону. Посмотрел на часы, круглой луной висевшие над выходом из его кабинета. Ровно пять вечера. Ну что же, заказчик на удивление точен. Может быть, и в остальном он будет таким же.

– Да, да. Я уже на месте. Хотя еще не подошел наш креативщик, заместитель директора. Остальных, как и договаривались, собирать не стал. А Александр Николаевич с минуты на минуту будет. Так что подъезжайте.

– Ах! Вы уже у входа... Вот теперь вижу. – Сергей посмотрел на маленький экран видеодомофона. На нем ясно виднелось интеллигентное лицо. Под ним светлая рубашка и темный галстук. Сразу видно, что стандартный порученец – адвокат богатого заказчика.

Сергей нажал кнопку, отрывая дверь.

– На второй этаж поднимайтесь. Потом направо. Офис двести восемнадцать. Жду. – Сергей отключил домофон.

Виталий Эдуардович, хозяин их небольшого рекламного агентства, недавно опять был в деловой поездке в Италии. Там как-то умудрился раскопать, похоже, солидного клиента, для их в общем-то скромного бизнеса. Тот, не говоря ни слова по-русски, через переводчика попросил, чтобы на переговорах почему-то обязательно был Александр Николаевич – Саша, как все привычно его звали.

– Откуда этот итальянец мог вообще знать о нем? Хотя... конечно, понятно. Саша без пяти минут зять «босса». Муж его единственной дочери. Так Виталий Эдуардович, наверное, пока выпивали в ресторане с этим итальянцем-заказчиком, напелл что-нибудь замечательное об этом во всех других отношениях не особо примечательном человеке.

– Как все же часто жизнь бывает несправедлива. – Сергей вздохнул. – Саша стремительной ракетой взлетит вверх, как только станет зятем хозяина. Всего год работает в их компании, а зарплата уже такая же, как и у него – творческого директора, основного контактора и креативщика...

Так всю жизнь и буду ишачить на дядю. Поспешил жениться. Хотел было переиграть. Расстаться несложно. Ребенок? Тоже не помеха. Мало ли их... живущих на алименты. Начал было ухаживать за дочкой Виталия Эдуардовича, но она уже прочно втюхалась в Сашу. И что она в нем нашла? Ну, смазливый. Доброжелательный. Но бедный, как церковная мышь. И вряд ли сможет сам зарабатывать хорошие деньги. Какой-то мечтатель... Такие в бизнесе бывают либо на самом вершине, либо, гораздо чаще, внизу – исполнителями и порученцами. Как и этот... гость.

В дверь осторожно постучали.

– Да, да. Входите, – ответил Сергей Владимирович. В дверном проеме возникла высокая статная фигура гостя.

Одежда была подобрана со вкусом, но по-деловому. Ничего лишнего. Большие светло-серые глаза приветливо и осмысленно смотрели на Сергея. Приятное, тщательно выбритое лицо дополняла пышная шевелюра с аккуратным боковым пробором, тонкой светлой ниточкой над левым виском, от лба к затылку, пересекающим густые темно-русые волосы.

– С таким приятно работать, – пролетело в голове у Сергея.

Он встал. Широко улыбаясь, пригласил войти. Указал на стул, стоящий рядом с его столом.

– Проходите. Садитесь, пожалуйста, – как можно мягче сказал он, пожимая ладонь гостя. – Сегодня суббота. У нас выходной день. Так что сам приготовлю что пожелаете. Чай? Кофе? – Сергей опять улыбнулся.

– Да я, собственно, хотел пригласить Вас и Вашего коллегу в ресторан. Если не возражаете, в итальянский. Такси ждет у входа. Там и обсудим наше сотрудничество. А где Александр

Николаевич? Надеюсь, скоро появится? – хотя и на чистом русском языке, но все же с чуть заметным акцентом ответил гость, протягивая Сергею Владимировичу свою визитную карточку: «Витторио Ковалли. Генеральный менеджер по работе с VIP-клиентами корпорации...» Дальше шло какое-то мудреное название, уже не на английском, а на итальянском языке.

– Очень приятно, Витторио, – протянул гостю свою визитную карточку Сергей Владимирович. – Меня тоже можете называть просто по имени – Сергей, – добавил он.

Оба улыбнулись и еще раз пожали друг другу руки.

Пока усаживались – Сергей в свое директорское кресло, гость на стул рядом со столом, – на несколько секунд установились шуршащая тишина. Саши все еще не было.

– Наверное, застрял в автомобильной пробке... Сами понимаете, уровень благосостояния жителей столицы неуклонно растет. Соблазн иметь свой собственный престижный автомобиль, все еще высокую статусную вещь, велик. Так и плодятся в городе автолюбители... как комары. Скоро, наверное, число этих железных «друзей человека» на колесах сравняется с числом жителей. А инфраструктура старая. Еще из советских времен. Вот и конфликтуют автомобили и дороги, – начал Сергей, чтобы как-то скрасить минуты ожидания.

Витторио улыбнулся:

– Да тут еще неумелые водители. Кто-то права просто купил. Правил вождения не знает. Кто-то под хмельком. Иногда совсем уж одуревший.

Сергей нахмурился:

– А у вас в Риме иначе?

– Да и там хватает всяких. Но дисциплины все-таки больше, потому что ответственность выше, – продолжал улыбаться Витторио.

– Надеюсь, и мы когда-нибудь наладим дорожную жизнь. – Сергей пристально взглянул на гостя.

Молодой человек, переходящий в разряд «зрелых мужчин». Где-то около тридцати. Лишь немного моложе его, Сергея. Одет не столько богато, сколько продуманно. Но со вкусом.

Ну, это у них, у классических европейцев, в крови. Хотя теперь и мы не хуже. Слава Богу, малиновые пиджаки и килограммовые золотые цепи давно вышли из моды.

Лицо приятное. Глаза смотрят прямо, доброжелательно, однако без цепкости, характерной для настоящих дельцов. Взгляд немного затуманенный... «Тоже мечтатель. Как и Саша», – быстро определил гостя Сергей в ту же категорию, что и своего заместителя. И тут же одернул себя: «Трудно сразу определить человека. Любой из нас бывает хуже, а иногда лучше, чем на самом деле». Но голосом воспроизвел другие мысли.

– Витторио, я являюсь директором этой фирмы. Так что Вы можете излагать свои предложения и пожелания мне. Не дожидаясь Александра Николаевича. Он... Как бы это сказать... Технический исполнитель, с правом совещательного голоса. Хотя, конечно, у него есть успешные проекты. Например, последний. Одна крупная компания, производящая бытовую технику, попросила нас разработать презентацию их изделий. Так Саша предложил такую схему телевизионной рекламы... Приятный голос объявляет: «Из сострадания мы дарим вам минуту тишины. Корпорация...» – далее идет название. Минута тишины и динамический видеоряд бытовой техники в действии. С логотипом, разумеется, этой компании. Через минуту: «Благодарим вас за внимание и понимание. Мы делаем то, что Вам понравится. Желаем всего самого доброго. До свидания...»

Сергей и Витторио весело засмеялись. Сергей, все еще улыбаясь, продолжил:

– Но если у вас план по продвижению на наш рынок лекарств, то обсуждайте только со мной. Александр Николаевич почему-то категорически против. Уже два раза мы упустили серьезных клиентов из фармацевтических компаний. Для одной я даже рекламный слоган составил: «Мгновение – и головной боли нет». Надо было отправить заказчику в Германию. Так он добавил: «Гильотина».

Витторио вновь засмеялся. Сергей же серьезно:

– Все оправдывался, что боль очень нужна и важна в жизни человека. Она говорит о неблагополучии. И надо срочно предпринять что-то естественное, чтобы избавиться от нее. Изменить режим или обратиться к серьезному врачу, чтобы не запустить болезнь. Иначе мы соучастники в преступлении против здоровья человека.

– А в этом что-то есть, – задумчиво ответил Витторио.

– Если так начнем рассуждать, быстро прогорим. Практический бизнес суров и беспощаден. «Ищи новых клиентов, удерживая старых. Они тебя кормят. Их пожелания закон!» Это классика. На все времена! – уверенно закончил Сергей.

– А если наркобароны обратятся к Вам с деловым предложением? – улыбнулся ему Витторио.

Сергей удивленно посмотрел:

– Ну, это уже удар ниже пояса. Я имел в виду легальный бизнес.

Витторио нетерпеливо перебил:

– В мире денег часто границы размыты.

Сергей не успел ответить. Дверь в кабинет с шумом распахнулась, и в проеме возникла взлохмаченная фигура Саши. Он часто и глубоко дышал. Сразу понятно – очень спешил. Может быть, даже бежал.

– Вы, наверное, Александр Николаевич? – с радостной улыбкой Витторио встал. И сделав несколько шагов навстречу Саше, протянул руку. – Витторио Ковалли. Я представляю интересы вашего нового клиента из Италии.

Сергея неприятно уколола такая услужливая поспешность гостя. Как будто Саша и есть самый главный и нужный ему человек на этой фирме. Александр с недоумением смотрел на этого высокого молодого человека. Немного невпопад ответил:

– Извините. Пробки на дороге. Не подумай, что сегодня выходной день. Я немного опоздал. – И пожал руку гостю.

– А я каким-то чудом проскочил. И успел к назначенному часу. Но это почти случайно, – все так же приветливо улыбаясь, сказал гость.

Сергей тут же вставил свою фразу в их незамысловатый диалог:

– Наверное, скоро начнут на вертолетах добираться к месту встречи. Особенно если в центре города.

– Это мало что изменит. Если разрешат, то через пару месяцев и в воздухе будет не протолкнуться, – махнул рукой Саша.

– Да. У России еще много газа и нефти. Есть на что покупать китайские вертолеты, – лукаво блеснул глазами Витторио. Все дружно рассмеялись.

– Боюсь, план нашего гостя поехать в итальянский ресторан и там продолжить разговор, придется изменить. Есть риск, что останемся голодными. У нас в офисе в холодильнике все необходимое имеется. Так что знакомство можем продолжить и здесь, – привычно, по-деловому сказал Сергей Владимирович, вставая из-за стола. – Саша, пойди на улицу. Отпусти такси, на котором Витторио приехал сюда.

Гость тут же поднялся со своего стула:

– Да я сам. Тем более что это не такси, а частник. Как у вас говорят, «бомбила».

– Вы хорошо знаете современный русский язык, – широко улыбнулся ему Саша.

– Да я почти русский. Хотя родился в Италии, в Риме. Мама из старинного дворянского рода. Прадед успел уехать из революционного Петрограда. В их семье строго следили за чистотой крови. Там все русские. А папа наполовину русский, наполовину француз. Моя бабушка по отцу – француженка. Но говорила и писала по-русски так, что только ее любимый Достоевский или Лев Толстой могли сравниться с ней. Так что культ русского языка в нашем роду поддерживала бабушка-француженка. Ирэна – она всегда просила, чтобы я звал ее по имени.

Все доказывала мне, что как называешь человека, таким он и становится. Себя же она считала многие годы женщиной элегантного возраста. Правда, современная речь сильно отличается от классической. Приходится переучиваться. Впрочем, это не только у вас. Другие языки также испытывают сильную метаморфозу.

Когда гость исчез за дверью, Саша спросил удивленно:

– Что это ты так размахнулся? Сам ведь все время проповедуешь: «В офисе с клиентами только о деле...»

Они давно уже на ты, когда рядом нет никого, тем более из их команды. Примерно одного возраста – чуть за тридцать или около того... Однако не только по характеру, но и внешне были непохожи. Саша – высокий, симпатичный, с атлетической фигурой и белозубой обворожительной улыбкой. В такого девушки влюбляются сразу и без остатка, но при этом прекрасно сознают: у него давно уже есть другая, гораздо лучшая, так хотя бы полюбуюсь этим симпатягой. Но работа, особенно рутинная, была ему в тягость. Не то чтобы отлынивал или постоянно бездельничал. Но понятно было каждому, что вот закончатся томительные часы рабочего времени, и начнется у него другая, настоящая жизнь.

Сергей же – невысокого роста, не толстый, но с появившемся уже выпуклым «животи-ком». Сам он как-то пошутил, что забеременел от работы. Внешне ничем больше не примечательный. Встретишь такого на тротуаре – пройдешь мимо и не подумаешь, что директор. Зато в работе – не только послушный и аккуратный исполнитель. Немного циничный, но в меру, как и все управленцы среднего звена, Сергей был той осью, вокруг которой вращается весь их небольшой коллектив. Работа была для него если не всем, то уж точно главным в жизни. Неплохо зарабатывал, поскольку сразу же обговорил, как только пришел сюда – удивительно быстро бежит время, ведь уже восемь лет начальствует здесь, – не только оклад, но и, главное, процент от сделки с найденным им клиентом. По характеру мало чем уступает хозяину, Виталию Эдуардовичу. Разве что авантюризма поменьше. Потому и «ишачит на дядю».

Сергей, внимательно изучающий содержимое холодильника в соседней с кабинетом комнате, сделал вид, что не расслышал Сашу. Тот повторил:

– По какому поводу банкет?

– Виталий Эдуардович позвонил из Рима утром. Просил, чтобы встретили гостя как полагается. Какое-то большое дело он намечает с этой их фирмой – «Спирит Текноложика». Или как там? Сразу не разобрал. И чтобы ты был на встрече. Обязательно! – нехотя ответил Сергей. – Не заморачивайся. Лучше помоги накрыть стол.

Сергей уже зашел в свой кабинет, неся банки с салатами и маринадами:

– Хлеба мало. Сбегай в ближний магазин. Купи. Лучше бородинского. У них, в Европе, такого нет, но любят очень.

Александр набросил кожаную куртку – все-таки середина осени – и быстро направился выполнять просьбу начальника. Спускаясь по лестнице, встретил возвращающегося Витторио.

– А вы куда? – испуганно спросил тот. – Да я мигом. За хлебом и обратно, – улыбнулся ему Саша.

«И зачем я им нужен? Без меня все могут решить. Или Виталий Эдуардович всерьез хочет менять директора?» Передать власть в его, Сашины руки... От такой перспективы тревожно зануло сердце. Конечно же, он не сможет отдаваться работе полностью, как это делает Сергей. У него много других, гораздо более приятных и интересных дел. Или этот Витторио – из «детей радуги»? У них теперь это модно. Очень уж ласково и испуганно смотрит на него, Сашу. В любом случае надо быть осторожным, закончил он свои нехитрые рассуждения, заходя в небольшой продуктовый магазин. Здесь недалеко. За углом, в полуподвале.

А у Сергея в это же время просыпалась досада: «Если шеф решил сменить директора, надо будет прощаться с этой привычной жизнью. Конечно же, не останусь здесь заместителем, техническим директором, творческим или еще каким руководителем». Либо вся пол-

нога власти у него, Сергея, либо «прости и прощай». Своих клиентов по рекламному бизнесу, конечно же, уведу с собой. Не для того столько лет собирал их, чтобы подарить «постельных дел мастеру» – так шутливо иногда называли Сашу. Естественно, за его спиной. Пусть сам ищет и развивает рекламный бизнес Виталия Эдуардовича. Хотя... Сергей вспомнил сегодняшний телефонный разговор: «Александр Николаевич мне нужен для другого дела. Так что не бери в голову. Реклама – это твое. И для тебя».

Досада быстро прошла. Настроение улучшилось. Сергей улыбнулся.

Очень кстати. Дверь кабинета открылась, и показался Витторио. В руках у него был полиэтиленовый пакет, из которого он достал большую бутылку виски и поставил на стол.

– Это, так сказать, мой вклад в общее дело, – улыбнулся он. – К сожалению, в ближайшем супермаркете было только это «достойное внимания», – кивнул он на большую бутылку, горделиво высившуюся на краю стола.

– Ну, зачем вы тратились. У нас тоже имеется кое-что, – покачал головой Сергей.

Отошел в соседнюю комнату. В ту, где холодильник. Быстро вернулся, держа левую руку за спиной. Потом, как фокусник, с возгласом «вуаля!» извлек оттуда бутылку коньяка. Оба засмеялись.

– Надеюсь, нам не придется опустошать обе бутылки. Хотя нас трое и все крепкие ребята, но это будет уже перебор, – задумчиво, с сомнением сказал Витторио. – Да и дело, по которому я приехал сюда, мы не сможем тогда толком обсудить, – добавил он.

– Вот, вначале обсудим, а потом выпьем за успех этого дела, – с веселым смешком ответил ему Сергей.

Собранный наспех, но богатый импровизированный праздничный стол был уже накрыт. Сергей и Витторио сели за него. А Саши все еще не было.

– Так что за дело привело вас, Витторио, из далекого, но вечного города, на нашу северную окраину Европы. Наверное, что-то очень важное, раз хозяин нашей компании лично позвонил и предупредил, – уже без улыбки спросил Сергей.

– А Александр скоро придет? – не совсем понятно для чего спросил Витторио.

– Я уже говорил тебе, – Сергей почувствовал: теперь можно на ты, – что я директор. И мое слово здесь определяющее. Конечно, после слова Виталия Эдуардовича, – спохватился он.

– Как долго существует ваша компания? – явно протягивая время, спросил Витторио.

– Я уже восемь лет здесь начальствую. До меня два года был другой директор. Но о том времени мало кто вспоминает. Мы быстро пошли в рост лет пять назад. Когда освоили методику определения серьезных клиентов и развития отношений с ними – недовольно скривил губы Сергей.

– А Александр Николаевич давно у вас работает? – вновь почти пустой вопрос Витторио заставил Сергея ухмыльнуться.

– Чуть больше года. Так что ему еще учиться и учиться.

Вновь что-то заняло внутри Сергея: может быть, хозяин притворился и успокоил его только для того, чтобы не спешил искать себе новое место? А сам уже задумал передать власть в этом маленьком княжестве любовнику своей единственной дочки. Чтобы так привязать его к этой «пышной телке», промелькнула у него мысль. Но она не успела развиваться. В дверь вошел Саша.

В руках полиэтиленовый пакет, а в нем, очевидно, хлеб. Саша растерянно посмотрел на стол, уставленный закусками. Посредине выселись две бутылки.

– Я, кажется, взял лишнюю, – тихо сказал он, доставая из пакета бутылку водки.

Дружно посмеявшись, нарезав хлеб, все наконец-то прочно сели за стол.

– Так, конечно, деловые переговоры не ведутся. Но у нас сегодня во всех отношениях день необычный. Так что вначале слегка выпьем, а потом поговорим... – вновь улыбка появи-

лась у Сергея. Он уверенно, на правах хозяина, разливал коньяк по пластмассовым стаканчикам.

– За что выпьем? – спросил Витторио.

– Да за все хорошее, – бесхитростно ответил ему Саша.

– Чтобы и дело, и жизнь продолжались по нарастающей, – подхватил Сергей. И притрунувшись стаканом к таким же в руках гостей, одним махом выпил до дна.

– Э... нет. Так дело не пойдет, – обратился он к Саше. – Если уж пить, то до дна.

Тот лишь пригубил свой стакан.

– Но я же за рулем. Мне нельзя! Тебе-то проще. Ты живешь рядом. А мне через весь город. На другой конец. Да и Витторио надо будет в отель отвезти, – заупрямился Саша.

– В этом что-то есть – вмешался Витторио. – И ведь не столько пить, сколько поговорить о деле собрались мы здесь, – закончил он.

– Так что же за таинственное дело привело тебя, Витторио, в наши края? – Сергей не стал спорить и перевел, наконец-то, разговор в деловое русло.

– У меня их несколько. Одно касается вашей компании. Наша фирма тесно связана с молодежной католической организацией «Обновленное просвещение». Да я и сам принимаю довольно активное участие в нем. Не могу спокойно смотреть, как разлагается мир. Хочется хоть кого-то спасти.

Сергей ухмыльнулся:

– Здесь мы мало чем можем быть полезны. В спасители человечества уж точно не годимся.

– Я это понимаю. Иллюзий не питаю. У меня деловое предложение, – неожиданно трезвыми глазами посмотрел на него Витторио.

– Любопытно. Какое? – Саша переглянулся с Сергеем.

– Руководитель этой молодежной организации Джорджио Меллини написал книгу «Изгнание Святого Духа». О влиянии современной цивилизации на ум и чувства людей. Особенно молодых. Его Святейшество Папа лично одобрил и рекомендовал распространять ее среди различных народов Земли. Ваш, вернее, наш русский народ почему-то очень важен. Поэтому одновременно с английским переводом был заказан и перевод на русский язык. Скоро он будет выполнен. Книга издана. Но как ее донести до читателя в вашей стране? Совсем не простой вопрос. Можно, конечно, в виде серии комиксов или небольших телевизионных постановочных сценок наиболее, на наш взгляд, ярких страниц книги. Можно еще что-то придумать. Главное – пробудить интерес у молодого человека. Заставить его купить эту книгу и прочесть. А чтобы облегчить этот процесс, сейчас разрабатывается сайт интернет-магазина в вашем домене сети. Но ведь и его надо рекламировать! И его надо продвигать! Так что реклама – двигатель не только торговли, но и идей. Вот тут-то ваши умения и знание специфики местной публики, особенно молодой, будут весьма кстати. Тем более что святой престол готов оплатить все ваши расходы. Ну и, разумеется, обеспечить прибыль вашей компании, – Витторио замолчал.

Наступила минута тишины.

– Дело непростое, – задумчиво уронил Сергей. – Давай еще выпьем, чтобы мысли оживить.

Он с серьезным, даже печальным видом, вновь налил коньяк в пластиковые стаканы. При этом, забыв, что у Саши стакан полный, плеснул и туда. На столе тут же образовалась лужица. Саша схватил бумажную салфетку и быстро положил сверху. Потом, уже пропитанную «огненной водой», осторожно сложил и отнес в соседнюю комнату. Он тоже молчал.

Как будто раздумывая, Сергей продолжил, обращаясь не столько к гостю – потенциальному клиенту, сколько к самому себе:

– Заставить молодых книжки читать... Это тебе не айфоны рекламировать. И не прокладки женские с крылышками.

Саша подхватил:

– Сейчас все они, молодежь, в чатах да блогах дуреют. Конечно, можно через социальные сети достать... Развернем какую-нибудь дискуссию о пользе и вреде греха... «А я, блин, ребята, вчера книжку интересную увидел. Думал мухомор какой-то написал. Но полестал. Понравилось». И дальше по тексту... Наиболее яркие и неоднозначные места.

Сергей перебил:

– Ну, это, так сказать, нижняя часть проблемы. Но есть и более сложная. Как, например, наша РПЦ отнесется к рекламе хотя и братского, но все же чужого товара. Тоже ведь наш клиент. И серьезный.

– Простите... Сергей, что ты имеешь в виду? И что такое РПЦ?

Саша и Сергей засмеялись.

– Да это сокращение – Русская Православная Церковь. Все более могущественный институт власти в нашей стране, – продолжая улыбаться, ответил Саша. – Почти что вторая КПСС – прибавил Сергей.

– Но вы же светское государство. Да и... многоконфессиональное. У вас же и мусульман, и буддистов много, – растерянно заметил Витторио. – Впрочем, у нас теперь тоже, – тихо добавил он.

– Если бы эту книгу мулла написал или буддистский монах, то и проблемы не было бы. А тут близкие братья по вере. Электорат один. Мало ли... Могут и переметнуться к «Высочайшему престолу», – назидательно стал объяснять Сергей.

– Но вы же независимые, светские люди... – начал было Витторио.

– Вот за это давай и выпьем, – хотя и твердо, но уже явно под хмельком, ответил ему Сергей.

Саша вовремя отвел его руку с бутылкой от своего пластикового стаканчика.

– Вы, в Европе, как дети. Многого в нашей жизни не понимаете. Для вас законы – как надпись, выбитая на скале. Однозначна и... на века. У нас сложнее. Чиновник – будь то налоговая служба, пожарная безопасность или санитарная служба, я уж не говорю о силовиках, это классика, – правит нами как ему заблагорассудится. Или в строгом соответствии с указанием еще большего чиновника. Какой-то антиестественный отбор идет в это «государево войско». Пусть ничтожные, но послушные и услужливые пробиваются туда. И цепко держатся за свою должность. Профессиональную квалификацию они теряют быстро. В прошлом инженеры, врачи, учителя, они через год-другой уже не годятся для работы по своей профессии. Да и сами не стремятся к этому. А зачем? Вовремя поддакивай начальству, изображай бурную деятельность. И даже без взяток, на одних бонусах и премиях можно жить припеваючи. А уж если выстроишь вокруг себя предпринимателей – частников и дружественные тебе фирмы, то жизнь превратится в сказку. В восточных деспотиях сатрапы всегда ценились высоко. Пока они обласканы вышестоящим царедворцем, и потому при власти. Ты говоришь: суд? – обратился Сергей к Витторио. Хотя тот молчал и во все глаза смотрел на Сергея. Уже слегка заплетающимся языком, но еще внятно тот продолжил: – Не смейся! Именно там сейчас главные взятчики и послушные исполнители. Они, как фокусники-эквилибристи, жонглируют статьями размытых скользких законов. Любого могут подвести и как будто законно осудить, дабы наказать непослушных. И напугать остальных. В общем, весь состав наш, вся страна, загоняется в путевой тупик. Не нужны умные, профессиональные... Востребованы только послушные. И у нас есть молодежные организации. Да они все возле властного престола кружат, как мухи. Каждый свою крошку отщипнуть хочет.

– Но при чем здесь церковь? – спросил Витторио, явно озадаченный откровениями Сергея.

– А? Что? Ах, церковь... Вот пусть он объяснит... – Сергей кивнул головой на Сашу.

– Да не слушай ты его, Витторио. Не все так уж плохо у нас. Ну, есть отдельные случаи. Но с ними пытаются бороться...

– Вот именно – пытаются... на словах. Власти нужны послушные. Пусть лживые и корыстные, трижды глупые, но послушные угодники, – тяжело вздохнул Сергей.

– Это в нем обида говорит на отдельных «товарищей», – Саша тепло посмотрел на Сергея. Вот уж не ожидал от этого осторожного и сухого управленца такой сочной реакции на наезд налоговиков. Тем уже мало обычных взяток. Придумывают новые. Вот где таланты, с креативным мышлением!

– Так при чем здесь церковь? – вновь повторил Витторио.

Саша улыбнулся:

– Да в общем-то ни при чем. Только очень часто стала прибегать к помощи административного ресурса. Ваши кардиналы, или как их там, книжки пишут. Пытаются словом разбудить сердце и вразумить голову. А наши проще: отключим газ, если будешь ерепениться.

Витторио, совсем уже потерянно:

– Так церковь ваша теперь уже и в «Газпроме» начальствует?

– И в «Газпроме» тоже, – пробормотал почти уснувший Сергей.

Саша засмеялся:

– Серега, да не пугай ты нашего гостя. Это метафора такая. Из одного старого забавного фильма. Там управдомом – менеджер-распорядитель многоквартирного дома – заставляет жильцов делать то, что они не хотят и не обязаны, угрожая лишить их привычных благ цивилизации, – пояснил он.

Сергей встрепенулся:

– Если всего лишь пару десятков лет назад атеизм и коммунизм были у нас официальной религией, то теперь к власти приходят официозное православие и олигархизм. А чиновник наш, как верная собака, служит не закону, а тому, кто ее кормит. Все от вырождения духа и совести, – он тяжело вздохнул. – Ты извини, что мы вместо деловых переговоров посиделки за столом устроили. Да только я час назад вспомнил, что у меня сегодня день рождения. Не тот, что в паспорте, – мы его два месяца назад отпраздновали.

Саша улыбнулся:

– Весело было. Сергей вообще-то артист по натуре своей. Умеет увлечь и развлечь.

– Так сегодня у меня настоящий. Вот уже тридцать четыре... А чего достиг? Что впереди? – почему-то грустно продолжил Сергей.

Витторио улыбнулся:

– Вот по этому поводу и выпьем.

Теперь он взял бутылку виски, открутил винтовой колпачок. В наступившей тишине у того с хрустом оторвалось контрольное кольцо. Разлил по стаканчикам. Саша поставил перед собой новый, пустой. При этом предупредил:

– Мне чуть-чуть. Только для соучастия.

Витторио встал:

– Поздравляю тебя, Сергей. Хотя мы почти незнакомы, но голос крови не обманешь. Он объединяет лучше любых слов. Мне хорошо с вами, ребята. Вы такие... широкие, размашистые, хлебосольные, бесхитростные. Трудная, тяжелая история у нашего народа. А ведь живем. Не только здесь, в России, но во многих странах, как будто гордимся своим происхождением. Словно скрыта в нас великая тайна, вложенная в наших предков Господом Богом. Придет время, и мы откроем ее всему миру. На благо всем народам. А сейчас и здесь, хотя много страданий и испытаний посылает вам судьба, не сомневаюсь, выдержите! Весенняя распутица закончится. Грязь подсохнет. И вновь солнце, безоблачное синее небо и зеленая трава будут радовать людей в вашей стране.

Сергей улыбнулся:

– Ты оптимист. Скорее ударят морозы. Осень на дворе...

– Мы народ живучий. Приспособлены и к зиме, – засмеялся Саша.

Сергей тем временем продолжил:

– Спасибо, Витя. Можно я так буду называть тебя? – обратился он к Витторио.

– Конечно, конечно. Да и фамилия моя настоящая – Ковалев. Просто, когда отец, давно, еще до моего рождения, перебрался из Франции в Италию, там ее в полиции при выдаче документов изменили. Сказали, что так легче будет жить. Он спорить не стал, – с готовностью ответил Витторио.

А Сергей все с той же грустью продолжал о своем:

– Только почему ты использовал слово «опять»? Как будто были уже у нас весна и лето. Здесь постоянно либо осень, либо зима. Иногда бывает оттепель. Но редко. И быстро заканчивается.

Саша с укором посмотрел на него:

– Да не страдай ты нашего гостя. Не так уж все плохо и здесь. Просто никто не знает, что надо делать, чтобы остановить подгнивание людей. Оно не только у нас. Во всем мире. Можно подумать, что если ты получишь абсолютную власть, то что-то изменится. Лизоблюды лукавые быстро засахарят и тебя, своими восторгами и сладкими речами. Так что ни сверху, ни снизу надо лечить общество, а всем вместе. Рецепт прост. Давно уже прописан. Да лекарство горькое и неохота его принимать. Выдави из себя раба! Перестань подличать и юлить, обходя законы Бога и Природы. Вот тогда появится шанс на выздоровление. Иначе так и будешь рассерженно брюзжать и надеяться. Как будто новый правитель придет и все исправит. Властители... приходят из небытия. И туда же возвращаются. Не надо быть наивным. Пора взрослеть. Самим начать строить жизнь, начиная с себя. С души своей, – каким-то не своим, но полным вдохновения голосом, неожиданно сказал Саша.

Сергей молча, с любопытством, хотя и хмельными, но осмысленными глазами посмотрел на него. Потом ответил:

– Вот для этого и нужна церковь. Она помогает построить мир в душе человека. Навести порядок в мозгах, поставив высшим судьей очищенную совесть. Да только сама она, церковь, болеет сейчас. Как врач инфекционной больницы. Потеряла иммунитет и осмотрительность. Забыла извечные законы гигиены и потому заразилась от нас... сребролюбием и гордыней. А мы сердимся. Не знаем где и у кого просить помощи и совета. – И тут, будто спохватившись:

– А о рутинной работе, как всегда, в последнюю очередь. Это тоже по-нашему... О душе, вере, политике, вселенских идеях – часами будем говорить. А о бизнес-плане – «как-нибудь потом». Однако пора и за него взяться. Давай в понедельник разработаем проект договора, набросаем финансовую схему. Ну и все остальное.

– Не получится. Завтра утром я должен вылететь в Лондон, – каким-то изменившимся, серым и скучным голосом ответил Витторио.

– Да плюнь ты на этот Лондон! Полетишь во вторник. Не велика беда, – усмехнулся теперь явно захмелевший Сергей.

– Нет, нет! Меня там ждут тоже по делу. Не хочу подводить, – испуганно Витторио посмотрел на него.

– Это действительно нехорошо – поддержал его Саша.

– Но сейчас, на пьяную голову, мало ли что взбредет. Тогда давай по электронной почте начнем переписку и согласования, – тяжело вздохнув, сказал Сергей. Потом улыбнулся: – А про Великую тайну... Это ты, Витя, здорово сказал. Приятно слышать.

Саша, словно в поддержку:

– Заставляет посмотреть внутрь себя. Вдруг что-то блеснет там. Неужели сам придумал? Витторио засмеялся:

– Нет. Это Ирэн, бабушка-француженка. Как-то показала на карту мира... «Видишь, внучек, какая Россия огромная. Господь Бог такую обширную и богатую часть земной тверди случайному народу не доверит. Так что все еще у вас впереди». Я ей: Ирэн, но я даже и народ свой не знаю. Был там всего лишь пару раз. А она мне: раз язык знаешь, культуру классическую впитал в себя, но, главное, кровь в тебе их – значит, и ты с ними. Удивительная была бабушка. Некоторые родственники считали ее полоумной. Но это оттого, что умом своим были гораздо ниже и приземленнее, чем она. Поэтому и не понимали ее восторженности и как будто неадекватности. Да только умерла она недавно, – Витторио замолчал. И почему-то внимательно посмотрел на Александра.

– Ну, что же. Помянем хорошего человека за добрые слова и надежду на нас, – почти не отдавая себе отчет, Саша открыл бутылку водки и налил по полному стакану. При этом, не глядя ни на кого пробормотал: – Такси вызову. Отвезет и Витю в отель, и меня домой.

Остатки закуски дожевывали молча.

Наконец Саша, словно выйдя на минуту из пьяного полусна, неожиданно с воодушевлением, хотя и заплетающимся языком, сказал:

– Представим так... Я о рекламе книги твоего, Витек, архимандрита, или кардинала, или как его там... Представим так, что черная масса духовной грязи наползает на коллективное подсознательное людей. Если не хочешь утонуть в ней, стать изувеченным животным или бессмысленным насекомым, вспомни о вечных ценностях. Что и в тебе частица Бога. Будь достоин ее!

Витторио внимательно, без улыбки посмотрел на Александра.

– Оказывается, и реклама иногда говорит правду, – тихо сказал он.

– Да это я так просто... Образ пришел на ум, – словно оправдывался Саша.

– Не переживай. Все равно не поверят, – засмеялся Сергей. – Этим, потребителям... сладкая ложь куда как приятнее пресной, а то и горькой правды. «Политические погрешности» – современные властители – всю используют это. – И продолжил: – Основное внимание уделим молодежи. Когда-то же станут взрослыми? Но книги они в основном читают по принуждению. Как донести рекламу? Газеты, журналы? Так они там только фотографии и картинки рассматривают. Телевидение? Дорого. Не оправдывает затрат. Интернет и радио, где побольше музыки, – вот область для работы. Поэтому, Витя, нам нужны наиболее ярко звучащие, запоминающиеся фразы из той книги.

Саша добавил:

– Название хорошее. Поможет в рекламе. «Изгнание Святого Духа». Его можно обыграть как вечную борьбу Света и Тьмы, Жизни и Смерти, Духа и Плоти.

– Я подумаю. Наверное, выберу с десятков, а то и больше таких фраз. Пришлю по электронной почте. Да только молодой человек сейчас чаще всего – скорее комический персонаж. Продукт массовой поп-культуры. Сможет ли понять и почувствовать? Хотя – для того мы и здесь, чтобы в толпе людей отыскать человека, – Витторио вновь пристально взглянул на Сашу. Потом, сделав паузу, добавил: – Да мне вот этот живой разговор важен. Общение прямое, которое никакая электроника не передаст. И не переверт.

Александр невольно вздрогнул. Где-то он уже слышал о толпе людей и человеке... Личности в ней. Но где? Не может сейчас вспомнить. Кажется, от Анатолия Ивановича. Да неважно это сейчас.

Сергей улыбнулся:

– Мы тебе невесту хорошую подберем. Из наших... Так что восстановишь кровь предков полностью. Парень ты видный. Поэтому надо подыскать такую же половинку. Может быть, потомство ваше, красивое, откроет миру тайну русской души? Девки у нас замечательные. Не избалованные. Хозяйственные и домовитые. Нет у них спеси и самолюбования. Не то, что там...

Витторио возразил:

– Да и в Европе еще не все потеряли женскую природу. Это в Америке с ума сходят. Женский терроризм развели. Запугали мужчин вконец. «Ах! Он ко мне притронулся. Хотя и извинился. Сказал, что случайно. Но я подозреваю, что неспроста. А два года назад он же посмотрел как-то необычно. Похоже, похотливо. У меня после этого сон нарушен и мысли разные блуждают. Мешают сосредоточиться на работе. Требую через суд материальной компенсации», – шутливо воспроизвел он монолог очередной «жертвы» сексуальных домогательств.

Все дружно рассмеялись.

Саша, улыбаясь, продолжил:

– Это оттого, что у них избыток юристов-бездельников. Расплодились как тараканы. А заработать хочется. Вот и открыли для себя и таких «жертв» золотую жилу. И стряпчий сутяжничеством зарабатывает. И ей на панель не надо идти. Да только мужиков их жалко. От страха импотентами становятся. Так что соглашайся. С нашими не пропадешь.

Витторио опустил глаза:

– Не знаю... Я, может быть, целибат приму. Католическим священником стану.

– А почему не православным? Оно ближе к нашему народу, – удивился Александр.

– Я с детства в католической среде. Она мне ближе. Да и неважно это... Православный, католик или еще кто. Главное – Свет Христа нести в мир.

– Верно говоришь, Витя. Хотя почти все мы, современные люди, – атеисты в глубине своей. Но смерти боимся. Потому и продолжаем поглядывать по сторонам – вдруг что-то новое для души отыщем. – усмехнулся Сергей.

– А не лучше ли оглянуться назад? Там надежная скала. А на ней святой престол, – внимательно посмотрел на него Витторио.

Саша улыбнулся:

– Ну вот. Уже начал миссионерскую деятельность. Но вряд ли преуспеешь. Мы хотя и нерадивые, но верные прихожане... Православные. Тоже ведь с детства закладывается. А святой престол всякий бывал. Одни катары в той же Франции, вернее, Лангедоке чего стоят. Море крови было пролито невинной. «Убивайте всех! Бог разберет своих» – так, кажется, легат папы Иннокентия, да вот забыл, какого по счету, призывал рыцарей-разбойников Симона де Монфора, когда те пришли в тот благодатный южный край подавить инакомыслие альбигойцев. А после этого была учреждена инквизиция. В то время ее называли «святой». Как будто издеваясь над этим словом.

– Но папа, Иннокентий Третий, не хотел крови. Да и не он начал резню. Ведь несчастье пошло с убийства его легата, полномочного представителя, – почему-то испуганно и быстро начал говорить Витторио.

– Стоп, стоп, ребята! Эту пыль веков поднимайте в другом месте. Наверное, уже всем пора по домам. Я еще останусь здесь. Жена не любит, когда прихожу выпивший. Посплю немного в кресле. Глаза слипаются, – страдальчески взглянул на Витторио и Сашу Сергей.

Уже сидя в салоне такси, отстаивая в небольшой дорожной пробке, Витторио тихо спросил:

– Это, наверное, Анатолий Иванович тебя, Саша, так просветил в истории средневековой Франции.

У Александра хмель как рукой сняло:

– Что ты сказал? – спросил он, чтобы удостовериться, что ему не показалось.

– Говорю: это дядя твой просветил, про альбигойцев?

Саша вздохнул от неожиданности. Затем выдохнул:

– А откуда ты знаешь о нем?

– Еще одна причина моего приезда сюда. И, может быть, главная – познакомиться с тобой. Твой дядя и моя бабушка Ирэн дружили. Ты же и сообщил на мою электронную почту о его смерти. Через два дня и она умерла. Мы уже подъезжаем к отелю. Давай поднимемся в мой номер. Там и поговорим серьезно за чашкой кофе, – внятно и трезво, хотя и тихо предложил Витторио. Саша лишь молча утвердительно кивнул.

Теперь все понятно. Когда мать, с заплаканными глазами сообщила, что дяди Толи больше нет с нами, она передала ему два листка, исписанные рукой Анатолия Ивановича. На одном был список тех, кому надо сообщить о его смерти, с их электронной почтой. На другом – те, кому надо переслать книгу.

– Дядя Толя сказал, что ты знаешь какую... – и опять заплакала.

Уже после того, как они с относительным комфортом расположились в уютных мягких креслах возле небольшого журнального столика. В обычном, ничем не примечательном номере отеля бизнес-класса, в котором остановился на сутки Витторио. И временный хозяин этого номера, поколдовав немного с электрокипятильником и какой-то особенной кружкой, начал разливать по пластиковым стаканчикам ароматный кофе, Александр с трудом сдерживал себя от вопросов про Ирэн и дядю Толю. Где, когда, каким образом познакомились? Что общего между ними могло возникнуть? Вот это, пожалуй, было самым удивительным, зная, каким закрытым человеком в последние годы жил дядя Толя.

А Витторио все говорил о каких-то пустяках:

– Мне часто приходится уезжать из дома по делам нашей молодежной католической организации. Просыпаюсь очень рано. Во многих отелях кафе еще закрыты. Вот и наловчился сам готовить неплохой кофе. Правда, пришлось овладеть кое-какими секретами, – словно издеваясь над нетерпением Саши, говорил Витторио, улыбаясь. – Могу открыть...

– Как-нибудь в следующий раз. А кофе и в самом деле замечательный. – Александр пристально взглянул на Витторио. – Но мне все же хочется услышать подробности о неожиданной новости – дружбе твоей бабушки и моего дяди, – наконец улыбнулся Саша.

– Да мне самому многое не ясно. С твоим дядей я не был знаком. А Ирэн, моя бабушка по отцу, мама его, была личностью неординарной.

Витторио встал. Подошел к кожаной сумке, стоящей возле прикроватной тумбочки. Покопавшись в ней, вынул фотографию и передал ее Александру.

На него взглянула царственная старуха. Впрочем, это волевое, выразительное лицо женщины не хотелось называть старушечьим. Иных прожитые и пережитые годы только украшают. Это уже не молоденькое красивое личико пустоватой девчушки. И не тщательно ухоженная внешность кокетливой женщины, стремящейся неопределенно долго пребывать в «элегантном возрасте». Но суровое, по-своему красивое лицо, без грусти оставившее свою гендерную принадлежность и наконец-то ставшее просто человеческим. Но ее внешняя суровость и холодность ума все же имели изъян – глаза. Они выдавали теплое и сострадательное сердце. Смотрели пронзительно и будто спрашивали: «Так ты все сделал, что должен?»

Витторио стоял рядом с Сашей, пока тот, сидя в кресле, рассматривал фотографию. Смотрел на нее же и через минуту с теплотой в голосе сказал:

– У Ирэн была мудрая доброта. Внешне суровая в годы благоденствия, но самоотверженно деятельная в лихое время бедствий и испытаний. И не подумаешь, что ей здесь уже девяносто три... В прошлом году, как всегда, в сентябре я приехал к ней погостить. Тогда и сделал этот снимок.

– А где это? – спросил Саша. За спиной этой статной женщины с волевым и немного высокомерным выражением лица видны фруктовые деревья, обвешанные желтыми грушами. А вдали какие-то холмы и церковь на одном из них.

– Это Лангедок. Юг Франции. Недалеко от границы с Испанией. Бабушка... Ирэн, – поправился он, – гордилась тем, что почти никогда не уезжала из этих мест. «Здесь дух наших предков. Не забывай, что и в тебе течет кровь Раймундидов – графов Тулузских», – много раз напоминала мне. Лишь во время Второй мировой войны она была в Париже. Как медицинская сестра и подпольщица, участвовала в движении Сопротивления. Она тоже была «маки». Имела награды за боевые заслуги. Там и познакомилась со своим единственным мужем – русским эмигрантом, из дворян. Но он погиб в конце войны. А плод их любви – мой отец.

– Но что-то ты очень молод для сына того, кто сам появился во время еще той войны, – с недоверием Саша взглянул вверх на Витторио.

– Я поздний ребенок, от... второго брака. Уже в Италии. Отец влюбился в молоденькую служащую своей фирмы. А он, несмотря на возраст, всегда был удивительно обаятельным. Ну... и она не устояла.

Оба рассмеялись.

– Но все же мой главный воспитатель – Ирэн. Каждый год я приезжал к ней погостить. И каждый раз она чему-то меня учила. Как правильно ухаживать за цветами или фруктовым садом. Как оказывать первую медицинскую и психологическую помощь страждущим. Бабушка... Ирэн, – опять поправился он, – после войны окончила медицинский факультет университета. Стала врачом. Хорошим врачом. Так что во всей округе знали и благодарили ее. А последние годы она была просто помешана на благотворительности. Когда я, перед тем как приехать к ней, звонил и спрашивал, что ей привезти в подарок, тут же следовал длинный список вещей, явно не для нее предназначенных. Уже приехав в ее тихий и уютный загородный дом рядом с Каркасоном, я же и разносил привезенные вещи и пакеты с продуктами по разным адресам. Там жили те, кому, как она считала, требуется помощь. Какие-то семьи эмигрантов, с бесчисленными детьми, не говорящими по-французски. Какие-то одинокие старухи или просто бездельничающие молодые люди. «И о них надо помнить. Это одинокие, незрелые души. Им нужны не столько вещь или еда, сколько участие и сострадание», – говорила она мне, отправляя по очередному адресу. Но более близкое знакомство с проживающими там доказывало, что она не права. Их интересовала в первую очередь еда и иные материальные составляющие благодеяния. Спорить с Ирэн было бесполезно. Она давно оторвалась от реальности. И пребывала в только ей известном полуфантастическом мире. Мне же все внушала, что это не им – чаще всего бездельникам, привычно жалуясь на судьбу, выпрашивающих милостыню, – а мне необходимо делать добрые дела. «Ты развиваешь себя духовно. Подавляя в себе приземленное животное, возвращаешь крылья», – с пафосом начал цитировать ее Витторио. – О себе лишь говорила: «А для человека на излете лет главный подарок – внимание. Так что благодарю, что не забываешь свою несносную Ирэн»

Витторио ласково посмотрел на родное лицо, смотрящее с фотографии.

– Хотя... – как будто что-то вспомнив особенно приятное, Витторио улыбнулся, – один раз все же приняла от меня подарок. Я, еще мальчишкой, не спрашивая, привез ей маленькую кошечку. Ирэн вначале даже немного рассердилась. «Теперь глаз да глаз за зверьком нужен! Чего доброго, начнет мягкую мебель царапать. Да и лужи где попало делать...» Но потом успокоилась. Кошечка была понятливая и ласковая. Ирэн привязалась к ней. И уже через год, когда я вновь приехал в ее славный дом, это были лучшие подруги. Так они и жили долгие годы – тихо и счастливо. Так и старели вместе – бабушка и кошка. Но кошка умерла раньше. А бабушка только недавно. Природа у них разная. Как и срок отпущенной жизни. Но обе от старости. Ирэн было девяносто четыре... Виктор замолчал, наверное, охваченный воспоминаниями.

Искренность и доверие всегда вызывают симпатию. Тем более когда речь идет о таком деликатном, почти интимном чувстве, как любовь к близкому, родному человеку. Вот и Александр тепло, с благодарностью посмотрел на Витю.

Тот продолжил:

– Конечно, и среди людей у нее были подруги. Но те тоже умирали раньше. А Ирэн все жила и жила. Несколько лет назад она сказала мне, смеясь, что не уйдет из этого мира, пока не передаст что-то очень важное кому-то. – Витторио вздохнул. – А теперь ее нет. Во время моего последнего телефонного разговора – не по скайпу, а обычного, Ирэн была неисправимой традиционалисткой, – она сказала, что теперь душа ее успокоилась и готова вернуться туда, откуда пришла. Я ей: Ирэн, но все ли ты осуществила? Не рано ли? Она мне: этот русский профессор, Анатолий Иванович, прислал мне прощальное письмо. Он скоро умрет. Но просил не переживать по этому поводу. Перевод тех древних документов он выполнил. Остается все собрать в единое целое. Он этим занимается, но если не успеет, то есть надежный человек... Речь шла о тебе, племяннике Саше.

Александр с любопытством посмотрел на Витторио:

– А какие древние документы?

Тот, не глядя в глаза Саше, ответил:

– Еще ребенком я видел их мельком. Бабушка сказала, что они очень старые. И много людей хотели бы их иметь. Что если бы она пожелала, то получила за них большие деньги. Но смысл ее жизни вовсе не в деньгах, а в сохранении человеческого Духа. Она еще что-то говорила, да я не запомнил. А о документах только то вспоминаю, что один – в виде старинной пергаментной книги, написанной на «окситане» – старолангедокском языке. На нем говорили когда-то на Юге Франции. Твой дядя, Анатолий Иванович, был прекрасным знатоком этого старинного языка. А два других – в деревянных шкатулках, в виде свитков, тоже пергаментных. Один, кажется, на греческом, древнем, разумеется. Другой на латинском. Мне сказали, что теперь все вещи профессора у тебя. А ты их не видел?

– Да я... – Саша готов уже был рассказать, но цепкий, совсем трезвый взгляд Витторио заставил мгновенно изменить тональность разговора. – Я еще не полностью разобрал вещи и записи Анатолия Ивановича.

Витторио недоверчиво посмотрел на Сашу:

– Но уже больше месяца прошло после его смерти...

– Да мне не до этого было. Сам понимаешь. Похороны. Вступление в наследство. Тяжело все это. Мне даже намечаемую свадьбу приходится отложить. Я, как и ты свою бабушку, любил дядю Толю. Он для меня был вместо отца. Вот и откладываю «на потом» разбор его вещей и бумаг.

Витторио вздохнул:

– Но, Саша, все же просьба будет к тебе. Разущи среди его бумаг письма моей бабушки. Отсканируй и перешли мне электронной почтой. Она у тебя есть. Ирэн не любила все эти, как она называла, «электронные выкрутасы». И вела переписку через обычную почту. Да, да! Исписывая бумагу и запечатывая ее в конверты. А если найдешь и древние документы, сфотографируй и перешли мне. Возможно, это то, что давно уже ищут... уважаемые люди. Тогда ты сможешь заработать серьезные, очень большие деньги... – Голос Витторио теперь звучал с какими-то стальными нотками делового человека. Ностальгия по бабушкиному дому в далекой южной Франции – Лангедоке, печаль по ушедшей Ирэн, и в свои девяносто четыре года твердившей о человеческом духе, – все это быстро улетучилось куда-то. Наверное, все туда же – в глубинную память. Вместо этого теплого, аморфного, но живого чувства в Витторио проснулся холодный «эффективный менеджер», обязанный успешно решить и эту задачу – отыскать и передать кому следует древние артефакты.

Сашу неприятно поразила скорость и глубина перемены. Он засобирился домой. Пообещав, что непременно выполнит просьбу Витторио, уточнив еще раз, для верности, его электронный адрес, вызвал такси.

Глава третья

Приехав к себе, вернее, на квартиру дяди Толи, ставшую теперь его домом, Саша не утерпел. Поставив на газовую плиту чайник, вернулся в комнату. Начал перебирать бумаги, в большом количестве скопившиеся в выдвижных ящиках письменного стола. Во втором снизу быстро обнаружил небольшую стопку конвертов, перетянутых тонкой красной резинкой. Посмотрел на верхний конверт:

– Точно... Из Франции. Обратный адрес написан по-французски. Да и Carcassonne – конечно же, «Каркасон» – теперь понятен и без перевода. Это ее письма – Ирэн. – Саша тепло улыбнулся. Уже и для него эта французская бабушка из далекого Лангедока – не чужой человек. Возможно, сейчас наконец-то станет понятной неожиданная дружба девяностолетней Ирэн и дяди Толи, который вполне годился ей в сыновья, по возрасту.

Но тут чайник на кухне засвистел свою привычную песню. Пора пить чай. С легкой досадой Саша быстро заваривает. Не дав толком настояться, наливает светло-желтую жидкость в чашку. Идет с ней обратно в комнату. К письмам из Франции, из Каркасона.

Сняв красную резинку с пачки, по штемпелю находит самое раннее. Вынимает из конверта. Читает написанное аккуратным твердым почерком.

Милостивый государь, Анатолий Иванович.

Благодарю Вас за предоставленное мне право писать к вам. Заранее прошу прощения за мой несколько архаичный русский язык. Но я изучала его по художественным произведениям вашей великой литературы девятнадцатого века. И весьма этим довольна. Современный русский, как и французский, да и любой другой язык этого умирающего человечества, все больше, словно овца, идущая сквозь заросли репейника, набирается англоязычных оборотов и испорченных слов. По-видимому, возвращаемся к тому, от чего когда-то уплыли... На Ноевом ковчеге.

Вавилонская башня гордыни человеческой весело и споро поднимается все выше. Единый язык грядет на всей Земле. Единая унифицированная поп-культура, лишённая высоких человеческих чувств и идеалов, оставляя лишь низменные – характерные для животных и насекомых, – пропитывает людей. Вездесущие телевидение, радио и интернет чутко стерегут, ни на секунду не оставляют сознание человека, забивая его пылью пустых сплетен и ничтожных новостей. Словно боятся, что человек очнется от их подлого гипноза и спросит: «Кто я?» и «Для чего здесь?» Вопросы эти, как компас или Полярная звезда на небе, помогают определить жизненную дорогу. И вовремя исправить свой путь. И какое счастье, встретить случайно (впрочем, случайно ли? Хоть кто-то может ответить: в этом мире хотя бы что-то бывает по-настоящему случайным?) в нашем маленьком городке личность – конечно же, имею в виду Вас, глубокоуважаемый Анатолий Иванович, – с такой же грустью смотрящую на этот истерически веселящийся, опьяневший от незаслуженных удовольствий мир ложных и лживых богов.

Для меня будет большой честью и в дальнейшем принимать Вас в своем скромном жилище. Надеюсь, Бог истинный подарит нам еще много минут взаимного общения. И сейчас, когда пишу это письмо, я сижу все в тех же креслах, а напротив то, где сидели вы. На столе те же конфеты и горячий чай. И кажется мне, что через минуту вернетесь, и мы продолжим разговор. Простите меня, если я и тогда, и теперь покажусь вам натурой несколько эксцентрической. Но характер мой таков. Ничего не могу делать наполовину и благоразумно. А если сердце шепнуло мне, что вы хороший человек, то нет уже удержу. Готова обнять вас, поцеловать и прошептать: «Наконец-то встретила родную душу».

Для случайного читателя это письмо ни о чем. Но вы не из их числа. Я видела ваши умные глаза и печальную улыбку. Такому веришь. У вас мудрая душа. У нее возвышенный ясный ум и теплое сострадательное сердце.

С удовольствием вспоминаю нашу беседу. Как будто когда-то, не в этой, конечно, жизни, а много столетий назад мы уже встречались. И, может быть, вспомним, что было тогда.

Вы расспрашивали об истории нашего рода в Лангедоке. О роде графа Тулузского Раймунда Седьмого, к которому и я имею честь принадлежать. Мне очень лестно внимание такого замечательного лингвиста-историка, каким являетесь Вы, досточтимый Анатолий Иванович. Что-то я рассказала Вам сразу. Что-то буду пересказывать в этих письмах, по мере того как стану вспоминать. Может быть, для этого и живу еще. Ваши вопросы, скорее к самому себе: «Кто я?» и «Для чего здесь?» – так и звучат в моих ушах.

Это мое первое письмо к Вам, скорее «проверка связи». С нетерпением буду ожидать вашего ответа как сигнала к дальнейшему разговору.

До свидания. Желаю Вам всего доброго.

Ниже стояла дата написания.

– Так это совсем недавно. Всего лишь два года назад, – с удивлением подумал Саша. – Ну что же... Русский язык этой французской бабушки вполне читабельный. Хотя несколько устаревший, но внятный. Во всяком случае понятно, что хочет высказать. Но... Что же она написала? Как будто ни о чем. Ну, то, что дядя Толя ей понравился, – не удивительно. Все, кто его знал, замечали, что без каких-либо усилий он словно ароматным светлым облаком обволакивал собеседника своей старомодной деликатностью и учтивостью. И уже через несколько минут общения тот раскрывал себя гораздо шире, чем предполагал. Потому что теперь был уверен в его порядочности.

– А еще? – спросил себя Александр. – А! Ну, да... Апокалиптические ожидания. Но они вообще-то характерны для пожилых людей. Им всем кажется, что они были лучше, чем мы. «Но сытая, шумная и пустая жизнь действительно разрушает душу человека» – Саша вспомнил эту мысль Анатолия Ивановича, когда больше года назад они спорили о связи человеческого сознания и образа жизни.

– Человек все больше переходит в свой рукотворный мир. Отходит от матери-природы. И уже не он, человек, является строителем, а искусственный мир переделывает создателя под себя. Под свои потребности. Люди все больше превращаются в обслуживающий персонал этого свирепого техногенного чудовища. Придет время, и оно пожрет человека, дитя Бога, ставшего всего лишь биологическим субстратом. Уже пожирает... Начав с самой лакомой его части – души! – горячился Анатолий Иванович.

Саша тогда смеялся:

– Только без паники, дядя Толя. Мы, люди, все больше как боги. И по знаниям. И по возможностям.

Анатолий Иванович пристально взглянул на него. И тихо, но внятно произнес:

– Строится мир ложных и лживых богов.

– Теперь понятно, откуда у него появилась эта мысль, – вздохнул Саша. А растревоженная память, как рой пчел, продолжала гудеть, воспроизводя то одну, то другую фразу из того, давнего разговора.

Вот Саша ухмыльнулся:

– Как любите вы, гуманитарии, окрашивать серую прозу жизни в темные тона трагедии.

Анатолий Иванович быстро, искренне и горячо отвечает:

– Это потому, что мы видим не столько внешний, лакированный и блестящий, а внутренний мир человека. Сердцевину цивилизации. Там светлого мало. С тревогой замечаем, что чем большую силу обретает человек – через открытие новых законов природы и перевод их

в новые технологии и товары, – тем слабее, неустойчивее он становится внутри, в душе своей. Как будто чья-то злая воля перерождает и вырождает его.

Саша тогда улыбнулся:

– Еще один закон природы – закон сообщающихся сосудов. Если в одном прибывает, то в другом убывает.

– А чтобы в обоих уровень поднимался, необходимо доливать... сверху. Вот этим и занимается вера в Бога и исполнение законов Его. Но только вера истинная, самоотверженная, не напоказ. И неважно при этом, как называют Его люди. Лишь бы нес Он в мир Свет и гармонию... – продолжал горячиться дядя Толя.

– Анатолий Иванович... Дядя Толя... Ну, какой бог? Какая душа?! Ведь мы в двадцать первом веке! Наука много чего нашла, но души и бога так и не обнаружила. Это все выдумки ископаемого ума, еще много тысяч лет назад придумавшего такую психологическую хитрость. Чтобы успокоить себя, собраться с силами и перенести, а то и победить невзгоды. Она позволяет мобилизовать собственные резервы, вызывая Владыку из глубин подсознания. Так сказать, успешная психологическая практика для победы над природой.

Анатолий Иванович перебил:

– С Природой не надо воевать. Все равно проиграешь. С ней надо сотрудничать. Налаживать диалог. А потом, поняв друг друга, стать друзьями. Что же касается науки... Не спеши объявлять знания сегодняшнего дня истиной в последней инстанции. Мало ли ошибочных воззрений было и у науки. Теплоход, флогистон, эфир... Список можно продолжать долго. Но по-настоящему умный ученый никогда не смеялся над верой и не отвергал Бога. Он понимает, что это знания другого порядка. Как всего лишь в семнадцатом или восемнадцатом веке не догадывались о существовании радиоволн, вернее, электромагнитного излучения, но придумывали разные объяснения очевидному, каждый день наблюдаемому – свету, так и сейчас каждый пытается объяснить то, что все чувствуют, – Бога и иной мир. Но в этом вопросе мы не в восемнадцатом – в восьмом веке... до нашей эры.

«С ним вообще-то было непросто спорить», – грустно улыбнулся Саша, складывая лист письма Ирэн и возвращая его обратно в конверт. Была в нем какая-то убежденность, что он знает истину, но до поры молчит о ней.

Саша начал перебирать конверты, внимательно рассматривая почтовые штампы. Расположил письма в пачке по порядку, в соответствии с датой отправления. Их было восемь. Судя по толщине и весу – совершенно разные. В одних – несколько листов бумаги, в других – скорее всего, один.

Хотел уже вынуть из второго конверта лист, исписанный той удивительной старухой в далеком Каркалоне, как на столе загудел его мобильный. Саша благоразумно отключил звуковой сигнал, но не выключил совсем. Виброзвонок оставил. И теперь маленькая черная коробочка гневно тряслась, властно требуя к себе внимания.

– Да! Слушаю...

Это опять Валентина. Говорит, что если он сейчас же не приедет в ночной клуб, где они уютно расположились, то всей компанией нагрянут к нему. Тогда пусть бежит в супермаркет, покупает закуску. Выпивку привезут с собой.

Вновь врать про тетку, к которой якобы он уехал, не хотелось. Но и принимать в этой тихой квартирке веселую и шумную компанию сегодня нет желания.

– Хорошо. Вызываю такси. Еду. Где-где... На работе оставил. Возле офиса автостоянка. Сама понимаешь, сегодня суббота. Ну и за обсуждением рабочих вопросов немного приняли на грудь, – пришлось объяснять, так почему приедет не на своей машине.

Через полчаса он уже стоял у входа в модный клуб в центре города. На стеклянной двери изнутри красовалась обычная для этого вечернего времени, тем более субботнего, табличка с надписью: «Извините. Мест нет». Рядом, с каменным лицом, крепкий парень. Навер-

ное вышибала. Саша улыбнулся. Уж очень этот привратник был похож на молодого и шумного писателя. Тот, сам не подозревая, много лет назад познакомил, тогда еще подростков, Александра с Валею. В центральном книжном магазине этот писатель проводил рекламную кампанию своего нового любовно-фантастического «шедевра», каких и без него много. Услышав по внутренней магазинной ретрансляции объявление о потрясающем сюжете, глубине мысли и еще что-то завлекающее, Саша взял с полки пухлый томик этого творения. А вспомнив, что получит ощутимую скидку, если книга будет подписана автором, подошел к нему. Тот стоял и радостно улыбался в центре зала.

Одновременно подошла девушка с такой же книгой. И, видимо, с той же целью. Писатель взял у Александра томик своего романа.

– А как вас зовут? – спросил он. Саша назвал имя и почему-то фамилию.

– А вас? – обратился он к девушке.

– Валя... – немного смущаясь, ответила она.

Рассеянный писатель, в мыслях, наверное, продолжающий сражаться с инопланетными захватчиками, подписал книгу: «Александр и Валентине...». Добавил звучную фамилию Саши и вручил ее Вале.

– Вот нас и поженили, – засмеялась она. И ласково посмотрела на Сашу. Потом два последних года они учились в одной школе, в одном классе.

Но этот «писатель-охранник» не пускает! «Звонок другу», вернее, подруге. Скоро она показывается за дверью. Смеется. Дверь открывается. С криком: «Сашка! Как я ждала тебя», – девушка бросается ему на шею. Обнимает, жадно целует.

Прохожие с завистью смотрят на него и на нее. «Вот ведь счастливые», – думают они.

– Ну, пойдем скорее внутрь. А то все заждались тебя. Наконец-то напьемся.

Валя немного хмельна, но еще уверенно держится на ногах, и ее речь вполне осмысленна.

Охранник тут же закрывает за ними стеклянную дверь. И с невозмутимостью сфинкса продолжает смотреть на прохожих и нескольких молодых людей, тщетно дожидаящихся своей очереди захода в это «культурно-развлекательное заведение».

Александр прихрамывал.

– Ты чего? Мозоль натер не там, где надо? – хохотнула Валя.

– Да ногу подвернул. К тебе спешил, – улыбнулся Саша.

Прошли вглубь большого полутемного зала, заставленного столами и диванами, на которых сидели, ели, пили, разговаривали или молча обнимались люди. Лишь некоторые рассеянно смотрели на сцену, возвышенной площадкой приткнувшуюся в правом углу. На ней полуголая девица пыталась что-то изображать, но изрядно захмелевшая публика уже ничего не понимала. Да и неважно ей это. Все, что здесь было и происходило, – еда, напитки, приглушенная музыка, это извивающееся, теперь почти совсем голое женское тело – было всего лишь фоном тому главному, для чего собрались, – общению.

Поэтому, наверное, с такой радостью и Вовчик, и Петька бросились его обнимать и тискать, похлопывая по спине. Ведь это же Санька – их одноклассник. И, скорее всего, будущий муж Вальки – из их же класса.

– Хай! Я так рад видеть тебя, – говорит Петька.

Правда, еще со школы просит называть его Питер, на английский манер. Он прилетел вчера из Лондона. Несколько дней будет в Москве. Хотя и русский, но давно уже обосновался в той столице. Папа его был когда-то, в советские времена, крупным государственным и партийным чиновником. Потом началась перестройка. За ней грянул обвал страны. Но этот папа скоро сообразил, что и как надо сделать, чтобы стать теперь успешным крупным бизнесменом и благотворителем. Обладая от природы быстрым и недоверчивым умом, он решил, что семью, как и основные капиталы, лучше держать подальше от Родины. Так безопаснее. Вот и купил добротный дом в столице Ее Величества и пару небольших фирм, чтобы жене и сыну было чем

заниматься. «Безделье порождает скуку, а от нее недалеко до греха», – справедливо рассуждал он. Однако главный источник благосостояния был все же здесь. Богатые ресурсы, дешевая рабочая сила и еще... легко продающиеся чиновники – благодатная почва для его бизнеса. Но уже пора и сына приобщать к делу. Вот он и приехал к отцу как представитель «независимого иностранного инвестора». Но Петьке, вернее, Питу явно не хотелось погружаться в болото хитросплетений интересов государства, в лице чиновников, и бизнеса – в лице папы. Хотя бы в эти выходные надо «оторваться». Тем более что жена – тоже русская – и маленький ребенок, остались там. А здесь его друзья – одноклассники, с которыми так давно не виделся и не общался.

У Вовчика жизнь тоже складывается вполне успешно. Но также благодаря папе и маме. У них небольшое королевство супермаркетов и торговых центров. Не такие состоятельные, как отец Пита, но вполне крепкие предприниматели. Как и отец Валюхи – сутками на работе. Этим скучать некогда.

Вовка сейчас начальствует кем-то в банке, который его родители приобрели для успешной отмывки денег и более спокойного и дешевого ухода от налогов. Но его болезненный, истерзанный вид и худоба подтверждали слухи, что он так и не завязал с наркотиками.

– Привет, Санек. Выглядишь что надо. Наверное, с Валькой к одним косметологам ходите, – улыбался Вовка.

– Давай и тебя с собой прихватим, – засмеялась Валентина.

– Еще чего. Потом прицепится такая, как ты. Отец с матерью заставят жениться. А я свободу люблю. Так что лучше пусть уж останусь «образиной», чтобы девок пугать. Мол – хочу жениться, да они разбегаются от страха... – Вовка скорчил рожу.

Пит усмехнулся:

– Не смейся. Сейчас время, когда баб не очень-то испугаешь. Особенно если деньги в кармане. В очередь выстроятся. Выбирай на вкус.

– А как же любовь? Или хотя бы симпатия? – отозвался Саша.

Все дружно рассмеялись.

– Санек, ну, от тебя не ожидал такого вопроса. «За верзуху и на укол...» – вот и вся логика любви, – это Вовчик.

– Ладно, мужики. Закрывайте базар. Давайте выпьем, – скомандовала Валентина. – Санек, скажи что-нибудь. Хочется по-человечески выпить. С тостом. Как за праздничным столом, – Валя посмотрела на него своими большими карими, теперь влюбленными глазами.

Саша встал. И, держа стакан с водкой, начал несколько театрально:

– Дорогие друзья. Мои славные одноклассники...

Это почему-то вызвало смех за столом. Но Саша невозмутимо продолжил:

– Жизнь оказалась вовсе не такой простой штукой, как нам виделось в школе. Одних она ломает, калечит – он взглянул на Пита, – другие увечат себя сами, от тоски и одиночества, – взглянул на Володю. – Иных же заставляет, подобно навьюченному животному, тяжело идти и идти через пустыню, со страхом понимая: если упадешь, никто не поможет. Погибнешь. И все же бывают в ней проблески. Как в сумрачном небе, затянутом облаками, нет-нет, да проглянет солнце. В виде ли удачи от успешной бизнес-сделки, кайфа от нового развлечения, дорогого автомобиля – от папы и мамы. Или как у нас сейчас – от круга школьных друзей, с которыми давно не виделись. Как напоминание о том славном времени юности, когда миражи счастья на горизонте манят к себе, заставляя идти вперед по пустыне жизни, надеясь достичь их. Мы повзрослели. Некоторым время пошло явно на пользу, – все посмотрели на Валю. Та скромно улыбнулась. – Так давайте же выпьем с пожеланием друг другу найти ответ на сложный вопрос: «Для чего живу? Зачем я здесь, в этом мире?» Вопросы эти, подобно компасу или Полярной звезде на небе, помогут определить жизненную дорогу. И вовремя исправить свой путь. Только после этого пойдешь верной дорогой дальше – к счастью.

Все почему-то опять засмеялись.

– Ну, ты даешь... Санек. Прямо философ, – с полным ртом закуски, пытаясь одновременно жевать и говорить, сказал ему Пит.

– Прожуй вначале. А то подавишься. Скорую помощь придется вызывать, – Валя шуточно постучала Питу по спине.

– Да это я чужие мысли повторяю, – вздохнул и смущенно улыбнулся Александр.

– Но все равно, хорошо. Прямо как дядя твой. Тогда... на выпускном. Так здорово говорил – заслушаешься, – сказал Вовка.

– Он умер недавно, – вставила Валя.

– Жаль. Хороший был человек, – отозвался Володя.

– А ты откуда знаешь? Ты и видел его раза два. А слушал только один. Тогда, на выпускном. Но и в самом деле – такую речь закатил! У меня даже слезы на глазах были. Амеба так просто плакала, – чему-то грустно улыбнулась Валя.

– Хорошего человека сразу видишь. Вернее – чувствуешь, – ответил ей Володька.

– Вот за них, хороших людей, которых уже нет с нами, давайте и выпьем, – предложил Пит.

– Пока мы помним их мысли, они с нами, – чуть слышно пробормотал Саша.

Через пару минут грянула музыка. И на сцене, где только что извивалась почти голая женщина, показался небольшой, но прыткий молодой человек в вычурных солнцезащитных очках. Он был нарочито неряшливо одет, показывая так свое презрение к собравшейся публике. А та, с восторгом мазохиста, поддержала предложенную ей игру.

Паренек хриплым голосом, не всегда попадая в ноты, запел какую-то стандартную песенку о любви. Пошловатая манера исполнения и с трудом улавливаемый смысл песенки компенсировались явно выраженным ритмом, подобранным на компьютере, и неплохим соло на электронной гитаре. Тут, похоже, было действительно «живое исполнение». Во всяком случае подтверждением стали вздувшиеся вены на лбу у певца, когда этот маленький садист кричал припев: «А... а... а!.. О... о... о!..» – и отстраненный вид гитариста с длинными волосами. Он сам словно наслаждался своей игрой. Певец истошно голосил, очевидно, так решив привычно передать свои эмоции. Но изрядно захмелевшая публика либо не обращала внимания на его «излияния души», ведя свои разговоры, либо тупо смотрела оловянными глазами, дожидаясь очередной кусок деликатеса, ничего уже не понимая.

Однако некоторые посетители этого модного заведения, те, кто помоложе, поддавшись грохочущему ритму, не выдерживали искушения. По двое, трое выходили на небольшое свободное пространство перед сценой и с упоением отдавались конвульсиям.

Было что-то первобытное, глубинное, почти по-шамански таинственное в таком действе. Но никому сейчас до этого не было никакого дела. Все танцующие с удовольствием, через повторяющиеся простые движения, заколдованные ритмом, сбрасывали с себя перед еще одним выходным днем накопившуюся усталость, обиды и расчеты, мучившие их всю прошедшую неделю. Чтобы, проснувшись завтра, в воскресенье, улыбнуться: «Ну и оторвались же вчера!»

Валя схватила Сашу за руку:

– Пойдем танцевать!

– Да стопа болит. Ногу подвернул, когда по лестнице бежал, – растерянно ответил тот.

Это было правдой. Квартира Анатолия Ивановича на втором этаже. Так что вызывать лифт было бессмысленно, не только когда надо спускаться, но и на подъем. Вот Александр и бежал с удовольствием по лестнице, перепрыгивая через две, а то и три ступени. Но сегодня почти у выхода неловко подвернул ногу. Морщась от боли, хромя, кое-как добрал до вызванного такси. На нем и поехал в этот ночной клуб. Так что сейчас танцевать никак «не с руки», вернее, «не с ноги»

– Я сегодня, подобно хромой утке, буду только смотреть, как другие веселятся, – погладил он руку Вали. – Пит! Тряхните стариной с Валькой, – просяще посмотрел Саша на Петьку.

– А чего! Давай... – Петр подхватил Валентину, и, зачарованные механическим ритмом, на который виртуозно навивалась мелодия, извлекаемая длинноволосым гитаристом, они ринулись в толпу танцующих. Санька и Володя смотрели им вслед, непроизвольно в такт покачивая головами. Но потом устало посмотрели друг на друга. Песня, заполнившая зал, была явно для танца. И потому они быстро перестали ее слышать. Так просто – музыкальный фон ни о чем.

Вдруг, словно охваченный порывом, Володька взглянул как-то жалко и печально на Сашу:

– Счастливый ты, Санек. У тебя еще есть какие-то мысли. Ты еще говоришь о каком-то смысле жизни. Что-то ищешь в ней. А я уже как растение. Ничего не хочу. Только бы ударить по мозгам, чтобы они остановились. Наркотой или пьянкой – не важно. Мне страшно жить! Страшно умереть! Страшно взрослеть! Я, как маленький ребенок, в отчаянии готов спрятаться под стол или в шкаф, чтобы никто меня не видел и не слышал. А выглядываю оттуда, только когда ширнусь или колеса проглочу. Так вот и живу – от дозы к дозе. А для чего живу? Не знаю. Растревожил ты меня... – и пьяные, но горькие слезы потекли по щекам Володи.

Саша удивленно посмотрел на него. Помолчал, будто пытаясь что-то понять, но ответил:

– Уже то, что так переживаешь, говорит, что не все потеряно и у тебя. Редко кто может похвастать, что нашел ответ на этот вечный вопрос. И я не из их числа. Всего лишь повторяю чужие мысли. А мы живем не задумываясь. Живем... Просто потому, что так надо. А для чего?.. Мозги в этом месте отключаются. Срабатывает защита безопасности. Иначе кто же останется здесь, в этом мире?

Володя ничего не ответил. Только задумчиво смотрел на танцующих и в такт качал головой.

Песня, сопровождающая танец, скоро закончилась. Все дружно захлопали в ладоши, показывая так свое одобрение.

Через несколько секунд Валя с Питом, запыхавшиеся, покрасневшие и довольные, стояли рядом со своим столом. Тут вновь ударила музыка. На этот раз дородный барабанщик истоково бил по тарелкам, показывая, что у них все вживую. На сцену выбегает зрелая девица, изображающая девочку-подростка с красным пионерским галстуком на шее. Но сильно укороченная юбочка, едва прикрытая белым фартучком, сразу дает понять, что эта «школьница-пионерка» из целомудренной советской школы, явно «порочное дитя». И жажда секса, желательно с грязнотпой, уже овладела ею.

Вновь ничего не значащие слова тонули в грохоте все подавляющего ритма. Валя схватила Сашку за руку:

– Пойдем танцевать! – Он не успел ответить. Она все вспомнила сама: – Ах да! Ты же сегодня не в своей обычной спортивной форме, – похотливо посмотрела на него. Наклонилась и поцеловала в губы. Крепко. Взасос.

Весь ее вид говорил: «А что тут такого? Здесь все так делают».

С превосходством, гордо посмотрела она на остальных, когда оторвалась от Саши.:

– Володька. Выручай! Валька если уж начала, то не отстанет, пока не закончит... и этот танец. Петька, смотри, выдохся, – взмолился Александр.

Володя хитро улыбнулся. Встал. Обнял Вальку за талию.

– А ревновать не будешь? – посмотрел он в глаза Саше.

– К тебе нет! – ответил тот и чему-то усмехнулся.

Когда они с Питом остались за столом одни и эта песенка превратилась в стандартный музыкальный фон, обычный для такого типа заведений, Петя лукаво улыбнулся:

– О чем это вы с Вовкой здесь шушукались? Он даже сдуру заплакал. Неужто о своей горькой жизни?

– Не у всех же она такая сладкая, жирная и скользкая, как у тебя, – почти трезвыми глазами взглянул на него Александр.

Пит помрачнел:

– Это верно сказал: скользкая, жирная, сладкая... Да только сладость приторная. А жир быстро перемешивается с грязью. Потом отмыться трудно. И несешься по этой скользкой колее, иногда с восторгом думая: наконец-то разобьюсь! Да все как-то проскакиваю опасные виражи. Может быть потому, что папаша вовремя подумал и подстраховку обеспечил. И везде он... Папа. И в бизнесе, и в жизни. Чуть ли не в спальне моей. Все учит, что говорить, как вести себя, как любить, чтобы даже родная жена, любимая, мать моего ребенка, не вздумала претендовать на наши капиталы. Вот, даже маму, свою законную супругу, много лет, как она говорит, мучающуюся с ним, посадил на короткую золотую цепь, словно собачонку. И дрессирует. А теперь и за меня взялся. Так что зря завидуешь. Я ведь тоже человеком хочу быть. А не послушным менеджером при нем, моем папе. У меня тоже и мысли бывают. И чувства. А он не верит в это. Так, говорит, дерьмом и останешься, если не станешь злым и хитрым. Ломает он меня. Больно ломает. Останусь ли человеком? Смогу ли еще когда-нибудь спросить: а для чего все это? Не знаю, – Петя тяжело вздохнул. Саша ничего не ответил. Только участливо посмотрел на него. Тот через минуту, словно стыдясь своей слабости, улыбнулся.

– Ты, говорят, теперь в рекламном агентстве деньги зарабатываешь?

– Да. У Валькиного отца, – утвердительно качнул головой Саша.

– Буду тебе заказы подбрасывать. А Валька – девка хорошая. Хотя я в школе и крутил любовь с ней, даже спал... Ну, ты же знаешь! Но ничего порочащего. Только и могу пожелать: совет да любовь. И она, кажется, действительно в тебя влюбилась. Просто так. По природе. Без всякого расчета. Я даже завидую тебе, – положил Петя свою руку на его плечо. – И с отцом ее наверняка не пропадешь. Акула бизнеса, хотя и небольшая, но быстрая и эффективная.

– Да мы еще с Валькой не решили... – словно оправдываясь, ответил Саша.

– А что решать? И так все ясно. Упустишь. Другого шанса вылезти из грязи не будет, – тоном старшего, знающего жизнь человека, нравоучительно начал Пит.

Саша перебил его:

– Грязи везде хватает. Особенно там, где жира много.

Петр засмеялся:

– Вот за это, наверное, и любим тебя. Ты какой-то... несовременный, что ли. Ты как будто... инопланетянин.

– Да нет! Я тоже из этого мира. Только смотрю на него другими глазами, – улыбнулся ему Александр.

Вдруг наступившая тишина, а потом привычные аплодисменты обозначили окончание и этого танца. Разговор пришлось прервать. Тем более что сюда уже подходили уставшие Валя с Володей. Она – с блестящими смеющимися глазами. Он – с утомленной улыбкой.

– Ну, ребята. Теперь не грех и выпить. Особенно Вовку надо поддержать. Он у меня сейчас как загнанная лошадь. Его покормить надо, – она, смеясь, взяла веточку петрушки и сунула ее в открывшийся рот Володи.

– Иго-го! Еще хочу... – поддержал он ее игру.

– Сашка, передай мне спаржу. Я Вовку продолжу кормить, – Валя кивнула на тарелку, стоящую слева.

– Я рыбки хочу, – плаксиво начал выпрашивать Володя.

– Еще чего! Ты лошадь. А они только траву и овес едят, – прикрикнула на него Валя.

– В этом ты права. Да только все мы лошади... по жизни. Везем и везем... Пока не упадем, – уже нормальным голосом, серьезно ответил Володя.

– Ну все! Опять тоска началась. Сашка! А все ты спровоцировал. Наливай всем по полной. Я говорить буду, – гордо вскинула голову Валя. Потом, держа в руке рюмку: – Вставать не буду, как Сашка. Все же пока еще женщина. Но тоже от души хочу пожелать всем нам получить побольше удовольствия от жизни. Пока молодые, здоровые, красивые – надо жить радужно. Придет время, станем старыми, больными, безобразными. Так хоть будет что вспомнить. И я хочу, чтобы это время не кончалось.

– Молодости или старости? – прервал ее Саша, с лукавой улыбкой.

Все, и Валя в том числе, громко рассмеялись.

– Молодости! Молодости, конечно! – крикнула Валентина. – За нее и выпьем.

– С удовольствием, – поддержал ее Саша. – Да только... Быстро она заканчивается.

– А ты не думай ни о чем. Живи и радуйся, – с вызовом посмотрела на него Валя.

Через несколько минут наступившей относительной тишины разговоры продолжились.

– Пошли, покурим, – предложил Пит.

– Пойдем, – встал Володя.

– Не... ребята. Я завязала. Поддалась проповедям нашего спортсмена, – Валя тепло посмотрела на Сашу.

– Ну, тогда мы сами... – Пит и Володя неуверенной походкой направились к выходу.

– Ну, как тебе? Как сегодняшняя вечер? – улыбнулся ей Саша.

– Да все хорошо. Только ты на всех тоску нагнал: «Для чего живем, для чего живем...»

Как будто не о чем поговорить еще в этот уик-энд. Володька так даже всплакнул. Мог бы и веселее тему найти, – недовольно поморщилась Валя.

– Так, может, это полезно, хотя бы здесь, по пьяни, подумать об этом, – попытался оправдаться Саша.

– Да зачем это надо. Живи пока живется, как птица небесная или цветок... Лилия, кажется, – она хитро улыбнулась. Недавно они читали вслух Евангелие.

– Ты Иисуса сюда не вмешивай. Там же Он и о таланте, зарытом в землю, говорит. Но талант танцевальный у тебя большой. И пластика, и фигура и... ритм, – Александр посмотрел на нее глубоким взглядом.

Она ответила понимающе:

– Вот, на «аэродроме» и потанцуем вместе, перед тем как улететь в небо. Не переживай. Ногу твою буду беречь, – тихо сказала она и звонко засмеялась.

– Сашка, ты прямо как гипнотизер, самородок. Одни, общаясь с тобой, плачут, другие задумываются, а третьи восторженно смеются, – не дойдя несколько метров до их стола, начал Пит, возвращаясь. – Ребята, мне уже пора уезжать. Отец позвонил. О чем-то срочно хочет поговорить со мной. Вы оставайтесь. Все оплачено. Если еще что-то захотите, не стесняйтесь. Все выставят на мой счет. Я предупредил кого надо, – будто извиняясь, продолжил он.

– Пит, ну, ты же знаешь, мы не нищие и сами можем накрыть такую же хорошую поляну. А все равно спасибо. За внимание. За уважение, – с благодарностью взглянул на него Саша и пожал ему руку.

– Петруха! Спасибо, золотой. Прекрасный вечер. Но и нам с Сашей пора ехать. Ко мне... – кинулась обниматься к Петру Валя.

Володя обнял их обоих:

– Хорошо мне с вами, ребята. Через два месяца у меня личный праздник – день рождения. Заранее приглашаю всех.

На том и расстались.

Уже после, когда она, уставшая, но довольная, уснула, положив голову на его плечо, он подумал: «Знания – великая сила. И в сексе тоже. А говорят, что мужчина слабее... Это все от невежества таких мужчин. Либо не знают, либо эгоистично забывают золотое правило:

довеи женщину до белого каления, деликатно, но настойчиво, сам при этом оставайся чуть теплым. Так, наверное, и в остальной жизни. Вначале подумай о другом, с кем хочешь иметь дело. Его интересах. А потом уже о себе... Тогда только будут благодарны», – вздохнул Александр.

Но тут он услышал, что в ее роскошной квартире кто-то ходит. Характерное покашливание быстро подсказало – отец Вали.

– Так Виталий Эдуардович все это время был здесь!?! – краска стыда залила лицо Александра. Хотя, казалось бы, все взрослые люди. Но... Чувство приличия, воспитанное в детстве, продолжает руководить нами, оставляя в человеческом образе.

– Значит, он слышал ее сладостные стоны, вскрики. Его животный радостный смех. Ну что же теперь делать? Трусливо прятаться? Не тот характер. Да и возраст...

Осторожно переложив ее сладко улыбающуюся спящую голову на подушку, он тихо встал. Оделся. Вышел из комнаты. По коридору направо в туалет. Через несколько минут, спустив воду из сливного бачка, идет на кухню.

– Виталий Эдуардович, здравствуйте, – все еще чего-то стыдась, говорит Саша.

– Александр Николаевич, добрый вечер. Я уж извиняюсь. Не вовремя вернулся. Слишком рано. Но, сам понимаешь, бизнес делает предпринимателя рабом своего же дела. Надеюсь, не сильно помешал вам, – усмехнулся он.

– Да нет... Мы там... фильм смотрели, – нашелся Саша.

– Веселый, с элементами порнографии? Ну, да вы уже взрослые, – почему-то грустно Виталий Эдуардович посмотрел на него. – Хотя кофе на ночь вредно, и все же – по чашечке? – предложил он.

– С удовольствием, – согласился Александр.

Когда горячий ароматный напиток был разлит по чашкам, Виталий Эдуардович, потягивая его, спросил:

– Ну... И как долго намерен дружить с моей дочерью?

– Пока не надоем ей, – смущенно ответил Саша.

– Сынок. Она у меня одна-единственная. Надеюсь, понимаешь, что хочу ей только счастья. И в обиду не дам. Я думал, это у вас так просто, увлечение молодости. Но вижу – у нее всерьез. А как у тебя?

Виталий Эдуардович пытливо посмотрел ему в глаза.

– Да и я не против... Но надо немного подождать, – словно загнанный в угол, Саша продолжал слабо сопротивляться.

– Чего? Вы уже взрослые люди. Еще немного, и станете переростками, – удивленно сказал Виталий.

– Любви все возрасты покорны, – с готовностью процитировал расхожее выражение Саша.

– Любви – да. А для нормальной семьи – нет. Как каждому овощу свое время, так и человеку в его земной жизни. Особенно это касается женщин. Парень ты хороший, хотя и не нашего круга. Мать учительница, подрабатывает репетиторством. Отец, вернее, отчим, сантехник. Но дядя твой был серьезный человек. Многого достиг. Сам. Без чьей-либо помощи, – начал не спеша рассуждать вслух Виталий Эдуардович.

– Мама и отчим – не хуже. Просто у них другие цели в жизни, – поджал губы Александр.

– Не обижайся. Я же не для того, чтобы унижить их. Но, сам понимаешь, в нашу семью не хочется пускать абы кого. Вот и приходится наводить справки. И мать твоя, и отчим тоже вполне приличные люди. Хотя отчим немного попивает... Но не о нем речь. О тебе. Мне нужен помощник. Да такой, чтобы свой в доску. Чтобы за спиной не интриговал и не предавал. Надежный на все время жизни. Похоже, ты из этих... Так что решайся. Предложи Валюшке руку и сердце. Впрочем, сейчас достаточно одной руки. Свадьбу сыграем на славу. Потом –

на Капри. Там у меня небольшой, но хороший отель. Или еще куда захотите. Месяц отдохнете. Вернее, поработаете... Мне внук или внучка нужны. Я уже в том возрасте, когда начинаешь задумываться: для чего живу? Работаю как проклятый? Ведь не жадность руководит. Просто построил механизм и сам себя встроил в него пусть важной, но всего лишь деталью. А для чего? Вот для них, внуков, и живем, – тепло улыбнулся Виталий Эдуардович.

– Да я не против. Но надо немного подождать, – все еще сопротивлялся Саша.

– Почему? – удивился Виталий Эдуардович.

– Дядя Толя, о котором вы говорили, не так давно умер. Нехорошо это – проводить из нашего мира достойного человека, и тут же устраивать веселье, – нашелся Саша.

Да! Верно. Не по-нашему. Не по-христиански. Сколько думаешь ждать? – участливо спросил Виталий Эдуардович.

– Ну хотя бы еще месяц, – с облегчением ответил Саша.

– Добро. Но через месяц начнем готовить свадьбу – по-деловому, лаконично подвел итог отец Вали.

– Договорились, – почему-то вздохнул Александр.

– Вот по этому поводу и выпьем, – улыбнулся Виталий Эдуардович, доставая из шкафа бутылку французского коньяка. – Собери что-нибудь на стол. Закуску посмотри в холодильнике, – скомандовал он. Через пару секунд добавил – Пожалуйста... Хотя ты же еще у нас новичок. Я помогу тебе. Так... помидоры, огурчики. Их надо помыть и нарезать. Сыр разных сортов. Конечно, хороший коньяк пьют либо с шоколадом, либо с лимоном. Но мы с тобой простые русские люди. Без этих их... западных затей. Была бы выпивка и закуска... Но главное же удовольствие – поговорить.

Саша засмеялся. Виталий Эдуардович продолжил по-деловому обустроить стол. На нем все больше разных закусок. А резаные огурцы и помидоры освежили и придали ему праздничный вид.

– Ты, сынок, Саша, меня не бойся. Это я с другими суровый и холодный, как зимнее солнце. Но там, на работе, по-другому нельзя. «Боятся – значит, уважают» – не нами придумано. Но верно и на все времена. Я тебя не обижу. И родных твоих тоже. Ведь и сам я из простой семьи. Все свое богатство собственным горбом нажил. Поэтому к простым людям очень уважительный. Это чиновник какой-нибудь, наворовал денег из казны или у нас, предпринимателей, и пыжится. Изображает из себя что-то великое. Но это – как мыльный пузырь. Чуть изменится что наверху – и нет его. Лопнет, даже мокрого места не останется. Поэтому, наверное, так нагло вымогают и воруют. Пока угоден вышестоящему начальнику, может рисковать.

Коньячные рюмки тем временем были наполнены.

– Ну. За что выпьем? – спросил Виталий Эдуардович.

– За успех вашего дела! – предложил Александр.

– Тогда уж нашего дела, – поправил Виталий. – Но главное сейчас в этом нашем деле – те, для кого работаем. Кому должны будем передать то, что заработали. За внуков. За ваших с Валюшкой детей. Уж для них постараюсь. Самое лучшее образование обеспечу, – мечтательно улыбнулся он. – Но и ты не подведи... Хотя, похоже, мастер своего мужицкого дела. Чего там скрывать. Все слышал, – засмеялся он.

Саша покраснел от смущения и повторил:

– За успех нашего дела!

И, выдохнув, будто водку, одним махом выпил элитный французский коньяк.

Уже под утро, засыпая в своей постели – для этого придумал какую-то причину, почему обязательно надо вернуться в свою квартиру, – Александр подумал: «Так у меня остается месяц, чтобы выполнить просьбу дяди Толи? Всего лишь месяц! Потом будет не до того».

С этой тревожной мыслью он уснул.

Глава четвертая

В человеческой жизни – как в хорошем супермаркете... Берешь больше, чем надо. Есть разнообразие соблазнов и право самому выбирать. А своей рукой всегда возьмешь больше. Но продавцы давно уже научились управлять волей покупателя. И, дав нам иллюзию свободы в торговом зале, все же потребуют расплаты у кассы.

Так и я... Пройдя большую непростую жизнь, набрала много воспоминаний и впечатлений. А теперь стою у контролера-кассира и с тревогой ожидаю – смогу ли расплатиться?

Заплатить благодарностью своим друзьям и недругам. Хотя последних было неизмеримо меньше, но и они воспитывали меня. Где, обманывая, приучали к осторожности. Где злым и несправедливым словом научая сдержанности. Где подлым поступком заставляли меня вспоминать о милосердии, благородстве и великодушии. И теперь, на краю собственной могилы, я всех простила, всем благодарна.

Но все же главное сокровище моего сердца – с ними, моими друзьями. И я так рада, что среди них теперь появились Вы – многоуважаемый Анатолий Иванович.

Саша положил лист и этого письма на прозрачную пластину сканера. Нажал нужную кнопку. Бездушный механизм послушно выполнил свою работу. Чьи-то мысли и чувства, раздумья и печали тут же перешли в электронные импульсы и математические символы.

«Так, наверное, и в жизни. Переводим каждое мгновение взаимодействия с внешним миром в какую-то таинственную клубящуюся темную бездну подсознания. Оно и есть наше индивидуальное Я, надежно спрятанное в черепной коробке. И еще где-то, переданное через беспроводную связь мобильного Вселенского Интернета», – думал Александр, отправляя закодированный лист письма Ирэн на электронную почту ее внука – Вити Ковалева. Вернее – Витторио Ковалли.

Берет следующий лист. Не читая, кладет на ту же холодную, бесчувственную прозрачную пластину сканера. Тот привычно делает электронную копию. И почти тут же отправляет ее в далекий и славный город Рим.

Саше почему-то стало неудобно читать эти письма. Как будто подсматривает в замочную скважину двери, закрывающей вход в чужую спальню. Все более и более в этих письмах проступало интимное, но целомудренное чувство любви этой старой женщины, Ирэн, к его дяде Анатолию Ивановичу. Саша не знал, что писал в ответ ей дядя Толя. Об этом можно было только догадываться. Или... попросить Витторио сделать то же самое, но в провинциальном Каркалоне. Там, в доме Ирэн, его письма где-то уютно расположились такой же аккуратной стопкой.

Но ощущение стыда и убежденность, что не надо этого делать, не покидало Александра. Сердечные тайны, пусть даже умерших людей, все равно наполнены духом, который накажет любого без должной деликатности прикоснувшегося к ним.

И все же... И все же любопытство взяло верх. Саша берет отсканированный лист и читает.

Сегодня я проснулась раньше обычного. Хотя, как правило, просыпаюсь рано, в шесть часов. Но радость от когда-то прожитой и пережитой в далеком прошлом жизни разбудила меня в четыре часа. Весеннее солнце еще не взошло. Лишь все более и более светлеющая полоска горизонта на востоке разбавляла темно-серые предутренние сумерки ночи.

На сердце же у меня был солнечный день. Яркий и праздничный. А рядом мой мудрый Учитель. Теплый и ласковый в обыкновенной жизни, но возвышенный и неприступный в знаниях и беспорочности. В своем стареньком ветхом черном плаще и широкополой островерхой черной же шляпе, он как маг или волшебник смотрит на меня, юную девушку, горько плачущую от боли в колене и по порванному баинмаку. А вокруг рассыпанные цветы. Мой меньший

брат, совсем еще ребенок, бросился собирать эти цветы. Ведь мы несли их на продажу. И я обещала подарить ему монету, если все их продадим.

– Давай, я помогу тебе встать. Надо все-таки внимательно смотреть на дорогу, чтобы вновь не споткнуться и не упасть, – сильной рукой Учитель ставит меня на ноги. Утешает. – Ссадина заживет. Башимак починят. И все же запомни: главное – не поддаваться страху. Смотря вниз, на землю, не забывай хотя бы изредка поднимать голову к небу, – говорит он.

Мой маленький брат с собранными цветами подходит и почему-то отдает их ему. Он улыбается и молча передает букет мне.

Мы стоим на рыночной площади какого-то средневекового города. Что-то знакомое чудится мне в нем. Да это же мой Каркасон! А рядом Вы, мой Учитель.

Простите меня за эту фантазию уходящего ума. Но именно Ваши глаза и Ваша улыбка, даже черты лица были у того, кого я так беззаветно и беспорочно любила в той далекой средневековой жизни.

– Этот мир полон зла и страданий, – продолжаете Вы. – Но он нужен душе, чтобы, идя по жизненному пути, падая и плача от боли, она все равно находила в себе силы подниматься и двигаться дальше – к Богу.

– А наш священник говорит, что можно приблизиться к Всевышнему, заплатив матери-церкви, во главе которой стоит святой престол Папы, немного денег. Правда, тогда и поднимешься не высоко. Чем больше отдашь, тем выше окажешься. Без боли и страданий, – отвечаю я.

– Испорченные люди по наущению дьявола захватили власть над этой женщиной, которую ваш священник назвал матерью-церковью. Переродили ее в корыстную, лживую и жестокую мачеху. Помыслы ее теперь вовсе не о вас, прихожанах, и душе вашей вечной. Но о собственном материальном благополучии. Страсть к удовольствиям земной жизни овладела этими людьми, надевшими священнические одежды и прикрывающиеся лукавыми словами. Однако прозорливая душа чистого человека быстро увидит язвы на коже и ложь в речах их.

Вот тут я и проснулась.

Милостивый государь, Анатолий Иванович. Все же льщу себя надеждою, что Вы не будете обижаться на такую откровенность старой женщины. И продолжите нашу переписку. Уверяю Вас, что письма эти, мои и Ваши, являются последней радостью в моем тихом позднем вечере уходящей жизни. Прошу Вас, напишите хоть что-нибудь. Оттуда, из далекой России, письма эти – как все более и более светлеющая полоска горизонта на востоке. Они пробуждают во мне радость вечной жизни. И помогают избавиться от отчаяния дряхлой старости. Вы так нужны мне!

За сим остаюсь, безмерно уважающая Вас...

Далее шла подпись и дата.

«Дядя Толя в то время уже чувствовал сбой в своем здоровье. Но почему-то возникшая было печаль и мрачная закрытость быстро исчезли. Он стал чаще улыбаться. Чаще, чем обычно. Теперь понятно почему», – подумал Александр.

Осознание собственной необходимости кому-то делает мысли и желания мудрее и чище. А это верный шаг к радости в жизни. От нее же, радости этой, появляются возвышенные мечты. И силы для их осуществления.

Еще одно письмо. Третье по счету. Не читая, сканирует и отправляет по сети Интернет Витторио, внуку Ирэн.

– Читать или не читать? – в нерешительности держит Александр исписанный лист. Согнув пополам, укладывает его в конверт.

– А все-таки интересно, что же еще может написать эта древняя женщина, вполне годящаяся в матери моему дяде? – подумал Саша. – Хотя и неудобно... Но я ведь с уважением и к ней, тем более к нему – Анатолию Ивановичу. Да и как внимательный ученик буду слушать

этих мудрых учителей и постараюсь услышать, – успокоил он себя. Вновь берет тот же конверт. Вынимает из него письмо. Читает.

Анатолий Иванович, добрый мой друг.

Спасибо! Спасибо, что ответили на мое предыдущее письмо. Я плакала, когда читала. Но слезы мои – слезы радости. От того, что Господь Бог послал мне, на излете лет, такого славного собеседника. Не обладая и малой долей Вашего, досточтимый Анатолий Иванович, красноречия, могу лишь подтвердить, что письма эти дают мне силы идти дальше вперед и вверх.

Вы спрашиваете о родных мне людях... Их много и в то же время, почти никого. Этот парадокс легко объясним, если спрошу уточняюще: родных по крови, генетически, или по духу? Из последних, пожалуй, только один – мой внук Виктор.

Откуда он? О! Это своя история. Когда-то, еще во время Великой войны, принесшей так много горя обычным людям по обе стороны фронта, я участвовала в движении Résistance (Сопrotивления). Да, да! Не удивляйтесь. Я была таquís – у вас говорят «маки», партизаном в Париже и его окрестностях. Лотарингский крест, символ сражающейся Франции, и поныне висит в изголовье моей кровати. Даже стреляла, защищая раненых. Была лично знакома с одним из зачинателей движения Сопrotивления – Анатолием Сергеевичем Левицким. И с самой «красной княгиней» – Тamarой Алексеевной Волконской. Мы ее звали – Тереза Дюбуа. Удивительная женщина-легенда. Она часто помогала нам медикаментами и мудрым советом. Не сомневаюсь, что о ее непростой, полной лишений и угроз, но исполненной светлого духа и мужества жизни, еще будет написана достойная ее памяти книга.

Я же, через долгие годы, прожитые после того испытания, низко кланяюсь им, много сделавшим для свободной Франции. И вашему народу, породившему таких героев.

Как медицинская сестра я основала подпольный лазарет. Там и встретила своего единственного мужа. Он родился во Франции, в Марселе. Его родители, оба из старинных аристократических родов России, успели покинуть Родину до того, как там началась большевистская мясорубка. Потратив все деньги, продав фамильные драгоценности, но живые и невредимые они приютились на юге Франции. С упрямством, пройдя высшую школу лишений и тяжелого труда, они смогли подняться из нищеты. И дали своему младшему сыну Николаю хорошее образование. Он стал врачом-хирургом. А тут война. Унижение Франции – его биологической родины. Упорная героическая борьба с захватчиками в России – на его родине духовной и душевной... Конечно же, он не мог оставаться в стороне. Между нами, французами, и вами, русскими, гораздо больше общего, чем может показаться для непосвященного. Та же беспечность в обычной, рутинной жизни. То же стремление к правдоискательству и социальной справедливости – не оттого ли наши народы сотрясали кровавые революции? Но те же отвага и самопожертвование в годы лихолетья.

Вот и он, Николай, восторженный наивный мечтатель, как и я, оказались по одну сторону фронта. В одном отряде, в одном госпитале. Он – главный врач, хирург. Я – операционная сестра и распорядитель по хозяйству.

Не знаю почему, но мне всегда нравилась ваша классическая литература теперь позапрошлого, девятнадцатого века. С детства с упоением читала Достоевского, Толстого, Чехова. Какая-то особенная психологическая утонченность, сострадание к людям, поиски Бога в душе своей и всемирная боль за человечество в целом, а не только за свой народ пробудили во мне какую-то удивительную, родную музыку неба, скрытую в каждом из вас, детей своего народа. Простите меня за экзальтацию, но именно национальная принадлежность повлияла на мой выбор партнера и спутника по жизни. Я уже достаточно хорошо знала русский язык – читала любимых писателей в оригинале, без перевода и адаптации. А общение с Колей, во время нашей совместной работы (он говорил – «Служения для людей») усовершен-

ствовало его. Открыло новые горизонты для понимания вашего народа. О! У нас была безумная, страстная любовь.

Через какое-то время я вышла за него. Зачала. Через несколько месяцев была вынуждена вернуться к родственникам в Каркасон – маленький городок, славный только тем, что там восемьсот лет назад был один из оплотов альбигойцев. Впрочем, об этом в подробностях Вы знаете лучше меня. Там и появился мой единственный сын. Я назвала его в честь отца – Николаем. Но они так и не увиделись. Предательство породило серию арестов в Париже. Гестапо работало быстро и эффективно. Мой муж был арестован и отправлен в концентрационный лагерь, куда-то в Польшу. Там и затерялись следы его жизни. Я осталась фактически одна, с младенцем на руках. Родственники мои почти все поддерживали коллаборационистский режим маршала Петена. На меня они смотрели как на носителя опасной инфекции. «Макі» для них преступники. А правительство Де Голля – еще одна коварная выдумка зловредной Англии, нашего извечного соперника и недруга. Я была в отчаянии. Без работы, без денег, с младенцем на руках, живущая у родных, только из милости...

Но чудеса все же случаются в мире. И одно из них произошло со мной. Меня разыскала мать Николая, моего мужа, Екатерина Сергеевна. Она, теперь вдова, потерявшая не только мужа – он умер еще до войны, – но и своего старшего сына – он был летчиком в армии Де Голля, – увезла меня к себе в Марсель. Там у нее был небольшой магазин дамской одежды. Она – хозяйка и директор. А я – продавец и консультант. Мы подружились. И много раз в мыслях я благодарила Господа за такую хозяйку и бабушку моего сына. Ее воля, отвага и юмор – тема отдельного разговора. Время шло... Еще до окончания войны мы бросились искать нашего Колю – моего мужа и ее младшего сына. Но поиски были тщетны. И лишь бумага «пропал без вести» поставила печальную точку в наших поисках. Вернее – многоточие.

Уже после войны окончила медицинский факультет университета. Стала врачом-терапевтом. Вернулась в Каркасон вместе с Екатериной Сергеевной, в дом моего отца. По завещанию он оставил его мне. Наверное так перед смертью пытался просить у меня прощения за несправедливость и обиды. Я простила. А что оставалось делать? В то время у многих словно пелена спала с глаз. Прозрел и мой отец. К сожалению, слишком поздно. Он так и не увидел вновь теперь подросткового внука.

Мы жили тихо и счастливо. Новым браком обзаводиться я не захотела. Не то чтобы была недотрогой, но так и не увидела мужичины, равного моему Николаю. А размениваться по мелочи не привыкла. Увы – всему приходит конец. А хорошему почему-то особенно быстро и неожиданно. Екатерина Сергеевна, уже в преклонных летах, заболела и скоро умерла. Даже в последний свой день шутила: «Я не буду тебя долго мучить...»

Похоронили ее здесь. На местном кладбище. Самой мне уже трудно туда ходить. Прошу соседей следить за ее надгробием. И подтверждать кладбищенским работникам о моем желании быть похороненной рядом. Недолго уже осталось.

А сын тем временем вырос. Чертами лица удивительно походил на своего отца. Не такой мечтательный, но практичный, он выбрал издательский бизнес. «Делание денег» стало его главным занятием. При этом неважно что издавать. Лишь бы покупали. Я пыталась вразумить. Бесплезно. Такая беспринципность не проходит бесследно. Вот и у него обнаружился порок... Не физический – тут он был великолепен, а душевный. Влюбчивость и наивность – они редко приводят к успеху в семейной жизни. Вначале одна, затем другая гражданская жена... К счастью, от них не появились дети. После уезжает в Италию. Меняет родную фамилию Ковалев на Ковалли. А имя на Никколо. Зачем? От своих корней все равно не убежишь. Там встретил еще одну женщину, гораздо моложе себя. Чтобы хоть как-то уменьшить мое недовольство, все время подчеркивает: «Но она чисто русская». Хотя и плохо говорит на своем родном языке. Вот у них-то и появился мой единственный внук. Они назвали его Витторио.

Но для меня он всегда Виктор, Витя, Витенька... Он-то и есть моя радость в уходящей жизни. Но это уже отдельный разговор. В другом письме.

Надеюсь на Ваше сострадание. И Вы не заставите долго ждать с ответом, дающим мне силы жить дальше... с улыбкой.

Ваша Ирэн.

«Удивительная женщина. Она все помнит. И это в свои девяносто два! Так, может быть, и сновидение ее – тоже воспоминание?» – подумал Александр, укладывая листы письма в конверт.

Он уже взял в руки другой. Но тут, как обычно бывает, к досаде, раздался звонок у входной двери.

– Наверное, опять мама. С ее деликатностью, – недовольно подумал он.

Верно. Мать, смущенно улыбаясь, стояла на пороге.

– Ма... Ну я же просил тебя. Безо всяких церемоний. Мой дом – всегда будет и твоим. Надеюсь, мне не придется это повторять. У тебя же есть ключ, – с укоризной глядя на нее, тихо, но твердо сказал Александр.

– Да я... Забыла ключ дома, – нашлась мать, заходя в квартиру. В руках у нее большой пластиковый пакет с выстиранным и поглаженным бельем и двумя рубашками сына.

– Пошли на кухню пить чай, – улыбнулся ей Саша. – Тебе, как всегда, зеленый?

– Нет. Лучше черный. Но не очень крепкий. Сейчас подойду. Дай порядок наведу – ответила мама. Она деловито начала укладывать простыни и наволочку в шкаф. Туда же повесила рубашки.

Через несколько минут чайник веселым шипением подсказывает, что пора к столу. Наконец все готово. Ароматный чай – светло-коричневой горячей жидкостью в чашках. На столе конфеты, сахар. Мать и сын за столом. Видно, что мама хочет что-то спросить у Саши, но не решается. Лишь несколько раз пытливо посмотрела на сына. Сделав несколько глотков, все же не выдержала:

– Ну... и как дела?

– В каком смысле? – Саша недоуменно посмотрел на нее.

– Да... Вообще. И в планах на семейную жизнь? – мама знающими глазами взглянула на Александра.

– А что так вдруг всплыл этот вопрос? Хочешь познакомиться с невестой? – улыбнулся Саша.

– Я пару раз видела ее. Валя – девушка хорошая, – засмеялась мама.

У Александра улыбка пропала:

– А ты откуда про нее знаешь? – спросил он. Саша готов поклясться, что никому из родных, в том числе и матери, не говорил ни слова о своих близких отношениях с этой девушкой.

– Да уж... Знаю, – улыбка так и играла на лице матери.

– А все-таки... – Александр теперь серьезно посмотрел на мать.

– В гости сегодня утром к нам заезжал Виталий Эдуардович. Обходительный, уважительный человек. И не подумаешь, что богатый. Никакого в нем хамства и высокомерной спеси. Я, говорит, сам из простой семьи. «Своими руками и мозгами построил собственные фирмы. И, как лошадь, тяну эту повозку – бизнес, то есть. Очень мне понравился ваш сын, Саша. Хочется, чтобы наши семьи породнились. Мне такой помощник будет очень полезен», – словоохотливо начала она рассказывать.

– Мам... Ну не хватало, чтобы я еще с ним жил – недовольно прервал Александр, притворяясь, что не догадывается, о чем зашла речь.

– «Господь с тобой! Есть у меня, – говорит, – дочь Валя. Единственная. Полюбила она вашего сына всем сердцем. Да и он, вижу, ничего не имеет против законного брака с ней. Вот я и приехал, чтобы обсудить и обдумать вместе, как можно помочь молодым наладить

совместную жизнь», – тепло и грустно посмотрела мать на сына. – Пора, сынок. Пора и тебе обзавестись своим гнездом. И мне уже по возрасту надо стать бабушкой, – все с той же теплой грустью, будто смущаясь, говорила мать.

Саша опустил голову: «Вот она, хватка делового человека. И ведь знает, где хватать. Мать для сына – всегда святое... Как бы он ни ерепенился, изображая независимость и взрослость, а все равно на долгие годы, если ни на всю жизнь, останется сыночком. Частью ее самой».

– Все верно, мама. Мы с Валеём... Уже давно знакомы. Да ты, наверное, ее вспомнишь. Она один раз приходила к нам в гости на мой день рождения. Когда вместе учились в одном классе. Я долго не решался. Но, видимо, ты права. Пришло время, – он опять опустил голову. – Но к свадьбе только через месяц начнем готовиться, – словно вспомнив что-то важное, Саша поднял голову и твердо посмотрел на мать.

– Да, да. И Виталий Эдуардович мне о том же говорил. А для чего месяц ждать? – удивленно спрашивает мать.

– Ну... Мне ремонт надо в этой квартире сделать, – с радостью от такой отговорки выпалил сын.

– Зачем? Здесь все вполне. Очень даже ничего... Да и жить вы будете в ее квартире. Виталий Эдуардович решил подарить вам свои апартаменты. А себе купит новую, – проявила мать свою повышенную осведомленность.

– Мам. Все же лучше, если у главы новоявленного семейства будет свой угол. Не стоит спешить превращать себя в приживалку. Мало ли как дела сложатся? Сама ведь учила: «В жизни осторожность никогда не помешает», – тихо, почти шепотом ответил он.

– Это верно, сынок. Смотри сам. Тебе тут виднее. Может, чем помочь? Покрасить. Побелить... Или еще что? – уже по-деловому начала было мать.

Саша прервал ее:

– Это все теперь гастарбайтеры, наемные работники из Средней Азии, за небольшие деньги делают. Но я лучше сам... Надежнее. А если прижмет по срокам, тогда попрошу тебя.

На том и расстались.

«Вот она, хватка делового человека», – опять подумал Александр, проводив мать, возвращаясь к письмам Ирэн. Покачал головой и улыбнулся.

Берет очередной конверт этой боевой старушки из далекого Каркасона. Вынимает письмо. Читает.

Анатолий Иванович. Возможно, Вы правы, и я просто возвышенный мечтатель. Но казалось мне, что одолеем большую беду – Войну, и люди одумаются. Так и было. Пройдя очищение страданиями, мы стали лучше. А ваш народ особенно. Ведь вся его история – непрерывная цепь мучений. То наш Наполеон, то Первая мировая война, то большевистский переворот, пустивший море крови у своего народа. То Вторая мировая война. А вы все живете. Не гибнете. Не опускаетесь вниз. Скорее, наоборот – поднялись вверх, в космос. Так, может быть, в страданиях укрепляется дух? А потеря крови компенсируется ее обновлением. И потому улучшением здоровья нации через ее возрождение. Народ, как и семья, имеет в себе дух, который передается из поколения в поколение. Для меня, воспитанной на ваших великих классиках-гуманистах, наиболее симпатична в этом духе одна, с виду не приметная, но важная черта – всемирное боление за людей, а не только за свой народ. Милосердие и сострадание к другим. А виной тому, видимо, огромные просторы и редкость на них и потому ценность людей.

Когда Витя, мой внук, был еще маленьким, я показала ему карту мира. «Посмотри, внучок, где родина твоих предков. Видишь, какая она большая. Случайному народу Господь Бог не доверит такую обширную и богатую часть земной тверди. Так что не забывай о своих корнях». Только после этого он стал с большей охотой учить русский язык. А то ведь ни в

какую... Говорит – трудный. Я, мол, и так знаю итальянский, французский, немецкий, восточный английский. Куда еще один?!

А потом, уже через несколько лет, вновь смотрим с ним, теперь уже подростком, юношей, на ту же карту мира. И я объясняю ему свою фантазию... Землю, населенную народами, можно уподобить человеку. Любая часть его живого организма нужная. Поэтому не следует унижать и смеяться ни над каким народом. У каждого своя важная миссия. Очертания частей души подсказывают, где что. Америка – это хребет, позвоночник такого «всемирного человека». То-то там все о деле и для дела... Индия – сердце. С ее древней мудрой философией вселенской любви. Китай и Япония – умелые руки. Европа – голова. Современная, да и античная наука и философия вышли отсюда.

– А Россия? – спросила я его. – Что она напоминает тебе?

– Бабушка, вблизи от головы находится грудь. А в ней легкие, которыми дышим, – неуверенно ответил он.

Я тогда засмеялась от его догадки. А теперь полностью согласна. Не умаляя других, хочу поддержать вас. Через дыхание человек общается с внешним миром. Получает оттуда жизненную силу, востребованную каждое мгновение. Так что у вас непростая, но очень ответственная роль в жизни этого «всемирного человека» – общение с миром внешним. С миром Бога. И не сомневаюсь, что голос оттуда, как у буддистов священный звук «Ом», прозвучит еще с ваших просторов.

«Но времена и нравы теперь меняются стремительно, – пишете Вы. – Средства массовой коммуникации осредняют людей. Делают их стандартными болванчиками в чьих-то ловких руках. Аромат духа любого народа улетает, оставляя тяжелейший и удушливый смрад поповской цивилизации». Согласна и с этим. Да только мнится мне, что не все еще потеряно. Ни у вас, ни у нас. Везде есть умные, есть глупые. Но обычно тех и других немного. А оставшееся большинство – это мы... Не очень умные и не совсем глупые. Зато нас много. И небо нашей души хотя и затянуто облаками интересов обыденности, но нет-нет да проглянет сквозь них солнце вечности.

Однако мгновения света пролетают, и вновь власть животной жизни и все связанное с ней затягивает наш небосвод. Вот для того, чтобы напоминать о вечном духовном свете, за слоем серых облаков обыденной жизни мы, старшее поколение, наверное, и нужны. Но мы, пережившие катарсис, очистившие душу свою в смертельных битвах, уходим. А кто приходит на наше место? Чему они смогут научить молодежь? Так что и тут Вы правы – надо записывать, фиксировать свои мысли и чувства. И так передавать напрямую через многие годы последующим поколениям.

Сама я уже слишком стара, чтобы взяться за этот тяжелейший, но нужный труд – написание своих воспоминаний. Однако у меня на хранении есть несколько старинных манускриптов. Одна книга и два свитка, совсем древние. В них задолго до нас такие же опечаленные люди пытаются что-то рассказать. К сожалению, ни старой классической латыни, ни тем более древнегреческого языка я не знаю. Поэтому приходится лишь фантазировать, глядя на ветхий пергамент, исписанный знакомыми буквами, но непонятными словами. А ведь так хочется узнать, что там на самом деле. Лишь книга, что на окситан, или старолангедокском, написанная неким Пьером, мне еще как-то понятна. Но и в этом языке Вы гораздо осведомленнее меня. Хотя теперь и мне понятно, что свитки стали для альбигойцев великой святыней не случайно. Впрочем, продолжу эту тему в следующем письме.

Искренне Ваша...

Далее шла неразборчивая подпись. Но Александр, конечно же, знает – это Ирэн. В самом конце письма приписка:

P.S. Простите. Я так и не поприветствовала Вас в начале письма. Но мы уже довольно знакомы, чтобы вспоминать о таком пустяке. Не хочу переписывать. Я люблю, когда

«на одном дыхании». Вкладывая в буквы и слова первоначальную свежесть чувств и мыслей. Слезы и улыбку.

– Удивительная женщина! Жаль, что только два письма остались не прочитанными. Жаль, что нет уже возможности познакомиться с ней вживую. Жаль, что унесла с собой что-то очень ценное и для нас, живущих ныне... – Александр улыбнулся. – Вот, уже сам с собой начинаю мысленно говорить как они. Не современным простеньким языком, а немного архаичным, но основательным и надежным. Как... старый камзол из дорогой прочной ткани в сравнении с легкой курточкой-ветровкой... из пластика, – неожиданная ассоциация между языком и одеждой возникла у него.

Александр не успел еще положить листы этого письма в конверт, как неожиданно тихая музыка, все время сопровождающая его, прекратилась. Световые датчики на сканере и блоке питания ноутбука, который тут же перешел на свои батареи, погасли. Вот так, вдруг, пропало электричество в квартире. А без него – куда же? Не приучены так жить.

Вышел на лестничную площадку. Может быть, такое несчастье только у него? Но исчезнувшие огоньки электросчетчиков говорили, что и у других то же самое.

Снизу послышались шаркающие шаги и тяжелое дыхание поднимающегося по лестнице человека. А! Да это же Дарья Герасимовна. Она живет этажом выше. В руках у нее два больших пластиковых пакета. В них довольно много всякой всячины. Наверное, была в гастрономе. Оттуда и несет продукты. Ей уже за семьдесят. А полнота и неважное здоровье усугубляют такое испытание – пешком по лестнице, на третий этаж. Лифт-то не работает. Во всем подъезде нет света.

– Дарья Герасимовна. Давайте я помогу Вам, – участливо предложил Саша.

– Александр Николаевич, спасибо. Чувствуется воспитание твоего дяди – Анатолия Ивановича. Царство ему небесное...

Она отдает свои сумки Саше. Лицо багровое. Дыхание шумное. Постояв с минуту, вновь пошла вверх по лестнице. Он тем временем уже возле ее квартиры. Держит в руках сумки и терпеливо ожидает хозяйку.

– Спасибо, Саша. Выручил, – улыбнулась Дарья Герасимовна.

– А что со светом? – спросил он.

– Электрики пропили, – пошутила она. – Да какой-то силовой кабель меняют. Говорят, часа два не будет. Тоже мне... Удумали. В воскресенье... Ни постирать, ни телевизор посмотреть.

– Зато пройтись по тротуару или книжки можно почитать. Хорошо, что днем меняют – усмехнулся Саша.

– И то верно, – согласилась Дарья Герасимовна.

Но идти прогуляться в этот сырой и серый осенний день не хотелось. Александр вернулся в квартиру. Так что же еще пишет та удивительная женщина из Каркасона? Он прекрасно осознавал, что ее уже нет в живых. Что письма эти написаны вовсе не ему. И все же чувство, что эта много повидавшая на своем веку женщина обращается сейчас именно к нему – Александру, неожиданно появилось и лишь укрепилось. Он берет следующий конверт. Вынимает листы уже этого письма. Читает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.